

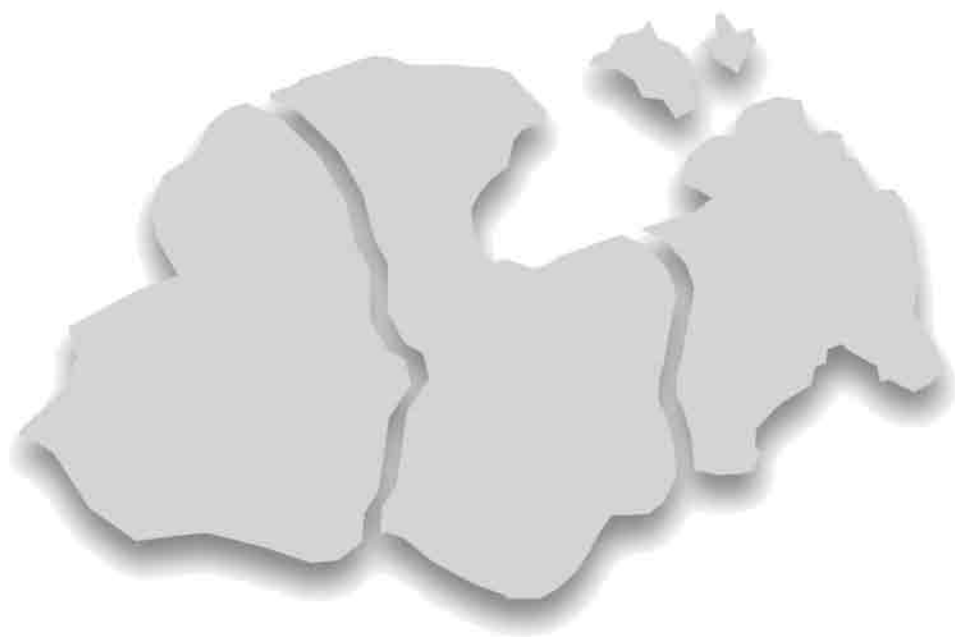

3

Страны Балтии:

после
распада
СССР

ГЛАВА 3

СТРАНЫ БАЛТИИ ПОСЛЕ РАСПАДА СССР

3.1. Демократизация стран Балтии

Внезапный рывок президента Мери

Эстонский журналист Тармо Вахтер рассказывает,¹ что однажды бывший президент Эстонии Леннарт Мери решил навестить своего друга, писателя Кайдо Кама. Надо сказать, что в прошлом Мери сам был весьма известным литератором, его исторический роман «Рассвет серебряных топоров» был переведен на русский язык. Возможно, сейчас, уйдя из большой политики, Леннарт вернется к литературным занятиям. Однако описываемый случай произошел не с Леннартом-писателем, а с Леннартом-президентом.

Будучи столь же импульсивным человеком, сколь и последовательным политиком, Леннарт решил ехать немедленно. Однако резиденция эстонских президентов, дворец «Кадриорг» в Таллинне, был построен по приказу Петра I для его жены Екатерины в те времена, когда никто и подумать не мог об его использовании в таком качестве. Соответственно во дворце нет всей необходимой для этого инфраструктуры. В частности, гараж для президентского лимузина

---

¹ Анекдоты и правдивые истории из жизни первого эстонского президента Леннарта Мери см.: Meie Lennart: President Lennart Meri anekdootides, tõsilugudes ja pajastustes / Erelt P., Vahter T. (koost.). Tallinn; Tänapäev, 2000.

и машин сопровождения находится на значительном расстоянии от дворца, и транспорта пришлось бы ждать не менее получаса.

Однако не таков был Леннарт, чтобы ждать. Президенту было вызвано обычное такси. И лишь на полдороге к загородному дому Кайдо Кама машина сопровождения догнала такси, в котором ехал президент, сделав его поездку более похожей на выезд главы государства в российском понимании. С точки зрения эстонцев, этот случай — один из многочисленных анекдотов об эксцентричности их первого после восстановления независимости президента. Российские друзья журналиста, которым он пересказывал эту историю, восприняли ее более серьезно. «Демократично», — сказали одни. «Безответственно», — возразили другие.

Правы и те и другие. «Демократичным» поступок Леннарта является вовсе не потому, что он поехал на такси как простой гражданин. Кровавые диктаторы тоже любят иногда заходить в магазины для простых людей, чтобы, обнаружив недoves, расстрелять директора на соседней площади и тем самым снискать симпатии народа. «Демократично» то, что Леннарт не послушался собственного начальника охраны, который убеждал его не рисковать и подождать полчаса. В самом деле, могут ли люди рассчитывать, что избранный ими президент, который постоянно и во всем слушается свою охрану, способен в то же время принимать самостоятельные решения по политическим вопросам?

Что касается «безответственности» поступка эстонского президента, то бывают в стране и хулиганские стычки с поножовщиной, жертвами которых становятся невинные граждане, в том числе финские туристы. Недостаток полиции на дорогах делает пьяных водителей значимой угрозой для безопасности населения. Существует в Эстонии и организованная преступность, которая в настоящее время, как сказал классик, «незаметна, поскольку хорошо организована», однако еще десять лет назад на улицах Таллинна взрывались гранаты, брошенные бандитами.

Наконец, хотя проблема международного терроризма знакома эстонцам лишь по телевизионным репортажам, еще 10 лет назад в стране существовала угроза внутреннего терроризма. В самом деле, как еще можно охарактеризовать деятельность «неправительственной организации», на протяжении нескольких лет руководившей военно-патриотическим лагерем для молодежи в местечке Пуллапя в Западной Эстонии, открыто заявлявшей о своем неподчинении эстонскому правительству «соглашателей» и терроризировавшей местное население?²

² *Lukkari M.* Viron itsenäistyminen: kerran me voitamme kuitenkin. Helsinki: Otava, 1996. S. 149.

Однако большинство эстонцев не назвали бы этот поступок Леннарта «безответственным» с точки зрения безопасности президента. Тот же Тармо Вахтер однажды спросил начальника полиции Тарту, были ли усилены меры безопасности в городе по случаю приезда туда президента Мери. «Зачем? — ответил начальник полиции. — Это же наш президент, и мы все его любим!» Это высказывание очень точно отражает настроение эстонского общества. И ни пьяные хулиганы, ни организованная преступность, ни банды скинхедов, ни даже гипотетическая вероятность «вторжения с востока» не могут его изменить.

Могу подтвердить, что ночью на улицах Таллинна более безопасно, чем на улицах Санкт-Петербурга и даже Брюсселя. В этом заключается первый урок, который другие страны могли бы извлечь из успеха демократизации в странах Балтии: молодая демократия является более стабильной там, где элита последовательно убеждает население в его безопасности. Там же, где элита постоянно акцентирует внимание на существующих (или гипотетических) угрозах безопасности, демократия находится под угрозой. В этом выводе нет ничего нового. Ниже, в разделе, посвященном популизму, я покажу, как это правило сыграло шутку с самими странами Балтии.

Второй урок балтийской демократизации также не является научным открытием. Он заключается в том, что антонимом демократии является вовсе не авторитаризм, а безответственность. Авторитаризм является лишь частным случаем безответственности элиты по отношению к собственному народу. Частным же случаем безответственности народа по отношению к элите является неразвитость гражданского общества. И даже если элита в силу альтруистических или иных причин продолжает сохранять институт свободных выборов, в отсутствие гражданского общества демократия находится под угрозой. От этих двух тезисов я буду отталкиваться в своем анализе демократизации в странах Балтии.

Однако прежде, чем перейти непосредственно к восстановлению демократии в странах Балтии и последующим событиям, следует ответить на вопрос, почему я не пишу отдельных глав о демократизации в Эстонии, Латвии и Литве, а объединяю эти три страны в одной главе. Иными словами, можно ли говорить о некоей «балтийской» модели демократизации, подобно тому как некоторые политологи говорят о «северной» модели демократии?³ Или же страны Балтии, несмотря на схожие геополитическое положение, размеры

---

³ Peterson O. The Government and Politics of the Nordic Countries. Stockholm: Fritzes, 1994. Chapter: A Nordci Model? P. 23–37.

и историю, являются настолько различными между собой, что требуют диверсифицированного подхода?

По поводу происхождения слова «Балтия» существует множество различных теорий. Одни утверждают, что оно происходит от скандинавского слова *bélt*, — «пояс»: действительно, именно пояс больше всего напоминает форма акватории Балтийского моря, если взглянуть на карту. По мнению других, это слово уходит корнями в «мертвый» ныне прусский язык, в котором слово *balt* означало «закрытый залив». Существует точка зрения, что это название происходит от старого литовского слова *baltas*, означающего «светлый». Наконец, средневековый историк Иордан полагал, что слово *балт* означает «отважный»: мол, так назывался один из королевских родов готы.

Большинству граждан стран Балтии не нравится, когда их страны объединяют под этим общим названием. И вовсе не потому, что они не любят друг друга, хотя так называемые тресковые войны, которые вели в 1920-х гг. Латвия и Эстония также нельзя окончательно сбрасывать со счетов. Просто считается, что термин «страны Балтии» (а особенно «Прибалтика») был изобретен советским руководством для обозначения трех прибалтийских советских социалистических республик. Вместе с тем это не совсем так.

До начала Первой мировой войны побережье Балтийского моря было поделено между четырьмя европейскими державами: Россией, Швецией, Данией и Германией. После Первой мировой войны их стало девять — появились независимые Польша, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия. Четыре последних государства и стали называть «странами Балтии». После Второй мировой войны Эстония, Латвия и Литва были оккупированы Советским Союзом, а Финляндия осуществила быстрый курс на интеграцию со Скандинавскими государствами и вошла в семью северных стран. Таким образом, после распада Советского Союза стран Балтии осталось только три: Эстония, Латвия и Литва.

Во второй половине 1990-х гг. наиболее популярной среди российского истеблишмента неправительственной организацией, занимающейся международными отношениями, был Совет по внешней и оборонной политике под руководством Сергея Караганова. Среди других тем Совет уделял особое внимание отношениям России со странами Балтии. Было опубликовано два доклада под названием «Россия и Прибалтика».⁴ В них в качестве основных угроз для России со стороны стран Балтии назывались перспективы их

---

⁴ Тексты докладов можно найти на сайте Совета по внешней и оборонной политике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svop.ru>.

вступления в НАТО и в Европейский союз, а также положение русскоязычного населения.

Для решения этих проблем предлагалось ввести дифференцированный подход в российской внешней политике в отношении стран Балтии, основываясь на старинном принципе «разделяй и властвуй». Авторы доклада ссылались на опыт Литвы, где положение русскоязычного населения было лучше, чем в Латвии и Эстонии, — все его представители получили гражданство республики в первый же год после восстановления независимости. Предполагалось, что с целью преподать урок Латвии и Эстонии Россия должна развивать более тесные политические и экономические отношения именно с Литвой.

Однако на деле это не принесло Литве значимых дивидендов. Пограничный договор с ней был подписан лишь в 2002 г., когда перед российскими дипломатами встала угроза потери Калининграда в результате расширения НАТО и Евросоюза. Да и в экономической сфере отношения с Литвой оставляли желать лучшего; экономически Россия гораздо более тесно была связана с Латвией, через которую проходила большая часть российского транзита энергоносителей и которая лидировала по объему прямых российских инвестиций среди других стран Балтии. И это несмотря на то, что положение русскоязычного населения в Латвии считалось самым худшим!

Не принес дифференцированный подход в отношении стран Балтии и успеха российской дипломатии на балтийском направлении. Пограничные договоры с Латвией и Эстонией, несмотря на десять лет кропотливой работы и миллионы истраченных бюджетных денег, остаются неподписанными. Наконец, дифференцированный подход не сделал отношения между Россией и хотя бы одной из стран Балтии добрососедскими. Вместе с тем нельзя сказать, что дифференцированный подход всегда оказывался неэффективным.

Например, когда единое (и угрожающее) понятие «Запад» было заменено в российской внешнеполитической риторике на дифференцированные «Европа» и «Америка», у российского истеблишмента сформировался миф о «хорошей» Европе и «плохой» Америке.⁵ Однако в случае с Эстонией, Латвией и Литвой подобного не произошло. Представляется, что объединение их в группу будет способствовать исчезновению из российского внешнеполитического дискурса гипертрофированного представления об их значении для России.

⁵ Ягья В. С. Мифы и реальности в отношениях ЕС — Россия // Россия и Европа: на пути к единой формуле / Под ред. В. П. Горюнова и С. Н. Погодина. СПб.: Нестор, 2001. С. 173–177.

К сожалению, в настоящее время отношения между Россией и странами Балтии остаются весьма напряженными. Проблемы, которые существуют и в нашей стране, и у балтийских соседей, присущие всем молодым демократиям мира, являются одним из факторов напряженности. Российские политики и ученые не устают повторять, что недостаток демократии в странах Балтии угрожает правам и благосостоянию русскоязычного населения; ниже я буду рассматривать проблему русскоязычного населения более подробно.

Что же касается стран Балтии, то для них демократия в России является гораздо более весомым залогом их безопасности и независимости, чем даже членство в НАТО. В самом деле, можно только гадать, решатся ли страны НАТО, в первую очередь США, на вооруженный конфликт с Россией с целью гарантировать независимость стран Балтии, понимая, что этот конфликт может перерасти в ядерную войну. Или же, как в годы «холодной войны», американцы и Западная Европа ограничатся дипломатическими демаршами?

Здесь уместно привести еще одно высказывание бывшего президента Эстонии Леннарта Мери, процитированное все тем же Тармо Вахтером. Думаю, многие знают, что в вестибюле Государственного департамента США выставлены флаги всех государств, с которыми Америка имеет дипломатические отношения. Есть там и флаги стран Балтии, причем с 1940 по 1991 г., когда эти страны входили в состав Советского Союза, их флаги оставались на своих местах в знак того, что Америка не признавала оккупации Прибалтики.

Естественно, демонстрация эстонского флага вошла в программу посещения Леннартом Государственного департамента во время одного из его визитов в Вашингтон. При этом кто-то из американских дипломатов заметил, что эстонский флаг развевался в этом вестибюле и в годы оккупации. «Как же он развевался, — отреагировал Леннарт, — здесь же нет ветра?» Таким образом, хотя жители стран Балтии и испытывают бесконечную благодарность к Америке и Западной Европе за дипломатическую поддержку в годы «холодной войны», они убеждены, что демократия и независимость их стран являются завоеванием в первую очередь тех из них, кто оставались на Родине в тяжелые для нее годы и сделали для свободы своих государств все от них зависящее.

Они убеждены, что демократия и независимость не были принесены извне американцами, европейцами или эмигрантами из стран Балтии, десятки тысяч которых бежали на Запад в годы Второй мировой войны. Следует заметить, что отношения между жителями стран Балтии, оставшимися здесь в советский период, и

эмигрантами, вернувшимися после восстановления независимости, были весьма непростыми в первой половине 1990-х гг.

С одной стороны, опыт демократии и рыночной экономики, который принесли с собой возвращающиеся на Родину эмигранты, оказался для стран Балтии незаменимым. С другой стороны, особенно в начале 1990-х гг., возвращающиеся эмигранты оказывались нередко недостаточно квалифицированными для тех должностей, на которые они претендовали в странах Балтии. В самом деле, латыш, занимавший, например, в Америке должность главного инженера и не мечтавший там о быстрой карьере, вернувшись в Латвию, мог претендовать на должность директора завода. И нередко получал ее. А ведь эта должность требует совершенно других навыков! Естественно, что между эмигрантами и «советскими» балтийцами возникла очень жесткая конкуренция.

Усилению конкуренции способствовал и тот факт, что в отличие от стран Центральной Европы, включая Восточную Германию, в странах Балтии не было люстрации. В самом начале 1990-х гг. российские чиновники позаботились о том, чтобы на территории стран Балтии не осталось архивных данных о лицах, сотрудничавших с КГБ в годы оккупации, — все эти документы были перевезены в Россию и сейчас остаются засекреченными. И хотя кто-то может не согласиться с моей точкой зрения, я считаю, что это сыграло положительную роль для демократизации.

На мой взгляд, нельзя было проводить люстрацию так, как это сделали в странах Центральной Европы, хотя бы потому, что люстрация в этих странах не была полной. Самая худшая ситуация сложилась в Германии, где большая часть данных о гражданах ГДР, сотрудничавших в годы «холодной войны» со Штази, была рассекречена, в то время как данные о гражданах ФРГ, бывших агентами восточногерманской разведки, остаются недоступными для исследователей и журналистов. Таким образом, для восточных немцев сформировали явные конкурентные преимущества, что нельзя считать демократическим шагом.

Кроме того, как это ни парадоксально, люстрация, призванная «очистить» элиту стран Центральной Европы от бывших коммунистов, на деле сыграла на руку именно им. Практически во всех странах Центральной Европы бывшие коммунисты создали свои политические партии по аналогии с российской КПРФ. При этом если какой-либо функционер либеральной партии оказывался уличен в связях с органами государственной безопасности в годы «холодной войны», то это жесточайшим образом ударяло по рейтингу партии, а иногда даже приводило к ее распаду. Что же касается левых партий,

то их функционеры открыто позиционировали себя как последователей «народно-демократических» партий прошлых лет, и информация, появляющаяся в процессе люстрации, не могла им повредить.

Кто-то может заметить, что левые партии стран Центральной Европы сыграли значимую роль, например, в процессе европейской интеграции, в частности именно бывшие коммунисты дали современной Европе такого значимого лидера, как президент Польши Александр Квасьневский. Напротив, в странах Балтии, где люстрация не была проведена и левые партии не играли важной роли в политике на протяжении 1990-х гг., не все настроения общества оказались представлены в политической элите. Но на это можно возразить, что в последние пять лет левые партии стали более заметной частью политического спектра стран Балтии, о чем я еще буду говорить в следующей главе. Таким образом, люстрация не имеет большого значения для возникновения социал-демократического движения в той или иной стране.

Люстрация помогла практически полностью обновить политическую элиту стран Центральной Европы, благодаря чему к власти пришли молодые и эффективные профессионалы, не отягощенные коммунистическим мировоззрением. Однако и в странах Балтии, где люстрации не было, практически полностью обновилась политическая элита. Например, премьер-министр Эстонии в 2003–2005 гг. Юхан Партс занял этот пост в 34 года. Таким образом, проведение люстрации не оказывает влияния на темп обновления элиты, при этом отказ от люстрации делает конкуренцию внутри элиты более честной.

В странах Балтии конкуренция между возвращающимися эмигрантами и «советскими» балтийцами лишь способствовала дальнейшей демократизации. И сегодня, когда подобная конкуренция в странах Балтии практически сошла на нет, нельзя назвать явного победителя в этой борьбе. С одной стороны, президентами Латвии и Литвы являются бывшие эмигранты Вайра Вике-Фрейберга и Валдис Адамкус. С другой стороны, пост президента Эстонии занимает бывший председатель Верховного совета Эстонской ССР Арнольд Рюйтель. И нельзя сказать, что происхождение президентов стран Балтии каким-либо образом сказывается на их политических позициях.

Более того, в ходе своей избирательной кампании Вайра Вике-Фрейберга особенно подчеркивала, что хотя она и выросла в Америке, но, как большинство бывших «советских» латышей, свободно владеет русским языком, знание которого и сегодня является значимым конкурентным преимуществом для карьерного роста.

Можно сказать, что интеграция вернувшихся эмигрантов в общество стран Балтии завершилась. И демократизация, в которой

вернувшиеся эмигранты сыграли столь значимую роль, осталась завоеванием эстонского, латвийского и литовского народов. Даже среди тех жителей стран Балтии, кто полагает, что в Советском Союзе им жилось лучше, едва ли найдется много людей, которые считают демократизацию привнесенной извне.

Право голоса — содержателям публичных домов

Одновременно элита стран Балтии готова нести с таким трудом завоеванную демократию дальше в Восточную Европу. Страны Балтии, несомненно, приветствовали «революцию роз» в Грузии и «оранжевую революцию» в Украине. И хотя возможности стран Балтии здесь остаются крайне скромными, ее элита готова расходовать силы и средства на сотрудничество с демократической оппозицией других стран Восточной Европы, в которых темпы демократизации, по их мнению, оставляют желать лучшего. Активисты демократической оппозиции из Молдовы и Беларуси являются частыми гостями в Риге, Вильнюсе и особенно в Таллинне.

О России в таком контексте в странах Балтии говорят меньше. Вместе с тем нельзя сказать, что в странах Балтии совершенно нет озабоченности тем процессом, который западная пресса называет «поворотом к авторитаризму» в России. Напротив, и элиты, и население стран Балтии убеждены, как я уже говорил выше, что демократия в России является залогом их безопасности и даже независимости. В то же время захват власти в России коммунистами или националистами (некоторые высказывания Владимира Жириновского вызывают особенную озабоченность в странах Балтии, непропорциональную его роли в российской политике) может создать значительную угрозу для этих стран.

Следует отметить, что верить в существование зависимости между миром и демократией не является балтийским изобретением. Еще в годы «холодной войны» американские исследователи сформулировали так называемую теорию либерального мира, в основе которой лежит убеждение, что одно демократическое государство никогда не нападет на другое демократическое государство.⁶

Действительно, практически вся история войн является историей конфликтов между недемократическими государствами. История знает также немало конфликтов, причиной которых стало нападение недемократического государства на демократического

---

⁶ Например: *Call C. T., Cook S. E. On Democratization and Peacebuilding // Global Governance. 2003. Vol. 9. N 2. P. 233–246.*

соседа. Случаи, когда война была развязана демократическим государством, более редки. Однако и сто лет назад, когда США напали на Испанию с целью отделения от последней ее колоний в Карибском море, и три года назад, когда коалиция государств во главе с США атаковала Ирак, такие случаи имели место. Но история не знает ни одного случая, когда война разразилась бы между двумя демократическими государствами.

Вместе с тем не следует думать, что то, чего никогда не случилось, не может случиться и впредь.

Во-первых, даже если предположить, что демократия является залогом мира, правильнее было бы говорить о том, что она есть один из факторов установления мира. Другим, возможно, более важным фактором является обеспечение основных нужд населения, проживающего на территории, где проходит конфликт. Доказано, что обеспечение населения питьевой водой, пищей, жильем, возможностями для образования и здравоохранения способствует скорейшему наступлению мира в охваченном конфликтом регионе.

Во-вторых, демократизация не всегда становится самым быстрым путем к наступлению мира. Например, когда в 1995 г. между Эквадором и Перу разразился территориальный конфликт, потребовалось всего три года, чтобы превратить спорные территории в природный заповедник под управлением обоих государств и предотвратить таким образом длительную войну.⁷ Демократизация же этих стран, как показывает опыт Латинской Америки в целом, заняла бы гораздо большее время. В условиях конфликта, когда каждый его день уносит десятки человеческих жизней, такое промедление вряд ли представляется оправданным.

В-третьих, после окончания «холодной войны» изменился и сам характер конфликтов. Раньше большинство конфликтов имело двусторонний характер, это были либо конфликты между двумя государствами, либо гражданская война между правительством и оппозицией. При этом слишком часто, чтобы это можно было назвать простым совпадением, Советский Союз поддерживал одну сторону конфликта, а США — другую. В настоящее время ситуация усложнилась: случаи, когда правительственным войскам противостоят три-четыре вооруженных оппозиционных движения, одновременно воюющих между собой, не являются редкими.

Можно сказать, что государства утратили монополию на ведение вооруженных конфликтов и недалек тот день, когда большин-

---

⁷ *Galtung J., Jacobsen C. G. Brand-Jacobsen K. F. Searching for Peace: The Road to Transcend. London & Sterling (Virginia): Pluto Press, 2002. P. 264–265.*

ство вооруженных конфликтов в мире будут происходить и вовсе без участия государств, на территории которых этот конфликт происходит. В такой ситуации едва ли можно назвать демократизацию эффективным инструментом мира.

В-четвертых, демократизация, проводящаяся в той или иной стране с применением вооруженной силы, приводит к большому количеству человеческих жертв, причем, к сожалению, не только среди военных, но и среди мирного населения. Признавая это, сторонники теории либерального мира вместе с тем оправдывают эти «малые жертвы» предотвращением «большой катастрофы», которая может разразиться, если данное государство останется недемократическим и, согласно их теории, станет зачинщиком более масштабного вооруженного конфликта.

Однако это не совсем так. Применение оружия ради благой цели — демократии — делает применение оружия легитимным, с точки зрения населения данной страны, и ради других целей, которые представляются ему благими, например ради восстановления «исторической справедливости» в отношении территории соседнего государства. Таким образом, демократизация с применением вооруженной силы увеличивает, а не уменьшает вероятность вооруженного конфликта.

Наконец, давно прошли времена борьбы республиканцев и роялистов, когда слово «демократия» вселяло надежду в первых и вызывало ужас у вторых. В настоящее время, за исключением, пожалуй, абсолютных монархий Ближнего Востока, демократия считается наиболее эффективной формой правления во всем мире. В конце концов, Северная Корея также является «народно-демократической республикой», и ее элита продолжает достаточно эффективно убеждать население страны в том, что северокорейская «народная демократия» является самой эффективной из всех демократических форм правления.

Существуют довольно значительные различия между, например, швейцарской и англо-саксонской моделями демократии. Вместе с тем попытка внедрить в Швейцарии англо-саксонскую модель демократии с применением вооруженной силы едва ли будет способствовать упрочению мира и стабильности в Европе. Сомнительно, что подобные аргументы смогут убедить хотя бы одного европейца в том, что Северная Корея не представляет угрозы для безопасности в мире. Однако, с точки зрения населения Северной Кореи, развитие их государства носит абсолютно мирный характер, в то время как окружающий мир, в первую очередь США, представляет для них угрозу.

И хотя я едва ли могу отнести северокорейскую «народную демократию» к демократическим формам правления, нельзя не отме-

тить, что в мире не существует одной-единственной идеальной модели демократии, к созданию которой стремятся почти все государства мира. Поэтому, прежде чем перейти к анализу того, почему страны Балтии выбрали для себя именно такие модели демократии, представляется необходимым дать определение демократии и ее классификацию.

Основной проблемой при определении демократии является спор между сторонниками минималистской и более широкой трактовки этого понятия. На мой взгляд, наиболее минималистское определение демократии предложил Самуэль Хантингтон в работе «Третья волна демократизации».⁸ По его мнению, демократической является форма правления, при которой происходит регулярная и легитимная смена лиц, занимающих высшие политические посты в государстве.

Сторонники более широкого определения демократии возражают ему, что помимо этого базового критерия другими критериями демократии являются соблюдение должностными лицами государства его законов, разделение властей, уважение базовых прав человека, обеспечение свободы средств массовой информации и многое другое.⁹ Они обвиняют минималистов в том, что с точки зрения минималистской трактовки демократическим государством можно назвать даже Иран, где регулярно проводятся президентские выборы. И если в ближайшие годы коалиция западных государств попытается предотвратить создание Ираном ядерного оружия с использованием военной силы, то это поставит под сомнение всю теорию либерального мира. Ведь окажется, что коалиция демократических государств нападет на другое демократическое государство, чего еще не было в истории.

В ответ минималисты заявляют, что с точки зрения широкой трактовки демократии США в первой половине XIX века также нельзя назвать демократическим государством, поскольку в стране сохранялось рабство. Хочется добавить, что и современные США едва ли можно назвать демократическими с точки зрения широкой трактовки этого понятия, поскольку почти в половине штатов сохраняется смертная казнь, таким образом, нарушается базовое право человека на жизнь. Представляется, что лишь несколько современных государств отвечают широкому определению демократии, что делает демократию не главным завоеванием человечества во второй половине XX в., но неким идеалом, достижение которого откладывается на неопределенный срок.

⁸ Хантингтон С. Третья волна демократизации в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003

⁹ Дискуссии об определении демократии см., например: *Dahl R. A. Democracy and Its Critics. New Heaven & London: Yale University Press, 1989; Democracy: The Unfinished Journey / Dunn J. (ed.) Oxford: Oxford University Press, 1992; Held D. Models of Democracies. Cambridge: Polity press, 1996.*

Ситуация осложняется еще и тем, что существует множество типов демократического правления. Во-первых, демократиями считаются в одинаковой мере и республики, и конституционные монархии. При этом хотя в конституционных монархиях короли практически не принимают участия в выработке политических решений, а лишь делают эти решения легитимными своей подписью, нельзя сказать, что они совершенно не обладают властью в своей стране. В любой монархии король является главным «ньюсмейкером» страны.¹⁰

Для любой монархии рождение или свадьба престолонаследника является национальным праздником а день смерти короля — днем национальной скорби. С огромным интересом подданные следят за личной жизнью своего монарха. И, как правило, с не меньшим интересом воспринимается мнение монарха по поводу того или иного аспекта политической жизни страны, король обладает огромным влиянием на общественное мнение.

Республики, в свою очередь, делятся на парламентские, президентские и промежуточные: парламентско-президентские и президентско-парламентские. Причем различные авторы не сходятся во мнениях относительно промежуточных типов республики. Некоторые авторы даже утверждают, что парламентской республикой можно считать лишь ту, в которой институт президента отсутствует в принципе, например Эстонию 1920-х гг. На мой взгляд, это преувеличение, поскольку тогда можно считать президентской республикой лишь ту, в которой отсутствует институт парламента, в то время как едва ли кто-нибудь из теоретиков демократии смог бы назвать такую республику демократией.

Таким образом, Эстонскую и Латвийскую республики можно смело отнести к парламентским, поскольку президент в них избирается парламентом и не обладает значительными полномочиями: все политические решения принимаются правительством, формируемым парламентом из своих членов по принципу ответственной коалиции. Президент поручает тому или иному политику сформировать и возглавить кабинет, однако он не может влиять на парламент при выборе членов правительства. Литовская Республика относится к промежуточному типу, поскольку там президент избирается всенародным голосованием, однако его набор полномочий не намного шире, чем полномочия его коллег из Эстонии и Латвии.

Выбор странами Балтии такого типа республики в значительной мере обусловлен стремлением показать, что современные страны

---

¹⁰ *Исаев М. А., Чеканский А. Н., Шишкин В. Н.* Политическая система стран Скандинавии и Финляндии. М.: РОССПЭН, 2000. С. 259.

Балтии являются прямыми наследницами стран Балтии, существовавших в 1920–1930-х гг., что в 1991 г. произошло не обретение, а восстановление независимости и что советская оккупация была лишь эпизодом, хотя и трагическим, их истории. В конституции стран Балтии включены ссылки на конституции 1930-х гг., ряд элементов формы правления этих стран также заимствован из старых конституций.

Разумеется, скопировать форму правления, существовавшую до Второй мировой войны, не представлялось возможным. Например, в эстонских законах 1920-х гг. права голоса на выборах были лишены не только лица, признанные судом недееспособными или находящиеся по решению суда в местах лишения свободы, но и содержатели публичных домов. В настоящее время такая норма представляется совершенно архаичной, к тому же формально проституция в странах Балтии запрещена, хотя на практике она и процветает.

Аналогично не представлялось возможным скопировать форму правления 1920-х гг., когда в той же Эстонии, например, институт президента отсутствовал вовсе. Несомненно, эстонская конституция 1920 г. являлась на тот момент одной из наиболее демократических в Европе, однако, как пишет эстонский историк, в прошлом премьер-министр Март Лаар, «в стране с еще не окрепшими демократическими традициями самое демократическое не обязательно является самым лучшим».¹¹ Соответственно в начале 1930-х гг. во всех трех «самых демократических в Европе» странах Балтии к власти путем военного переворота пришли диктатуры президентов Сметоне в Литве, Ульманиса в Латвии и Пятса в Эстонии.

Кроме того, на выбор элитой стран Балтии формы правления в 1992 г. повлияли и личные отношения политиков. Например, в Эстонии борьба за независимость в период перестройки вознесла на политический олимп одного из основателей Народного фронта Эдгара Сависаара. Он по сей день остается харизматическим лидером, созданная им на основе Народного фронта Центристская партия стабильно набирает на парламентских выборах до трети голосов избирателей.

Вместе с тем на рубеже 1990-х гг. у него сложились непростые отношения с большей частью эстонской политической элиты, в первую очередь с лидером Союза граждан Эстонии, будущим премьер-министром и главой консервативной партии «Союз Отечества», уже упоминавшимся историком Мартом Лааром. Его сторонники вполне справедливо полагали, что если эстонская конституция

---

¹¹ Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Очерки истории эстонского народа. Таллинн: Купар, 1992. С. 128.

наделит президента обширными полномочиями и позволит ему избираться на всеобщих выборах, то Сависаар, несомненно, победит.

Воображение многих эстонских политиков в 1991 г. рисовало картины того, как харизматический лидер Сависаар, наделенный широкими президентскими полномочиями, станет новым эстонским диктатором. В результате полномочия эстонского президента были сильно ограничены в тексте конституции, и хотя в 1992 г. в отличие от последующих лет президент Эстонии был избран на всеобщих выборах, Сависаар не принимал в них участия. Победу на тех выборах одержал уже упоминавшийся Леннарт Мери, поддержанный партией «Отечество», возглавлявшейся Мартом Лааром.

Похожим образом обстояли дела и в Латвии, в то время как в Литве, где в 1991 г. не было харизматического лидера, равнозначного Сависаару (хотя не следует преуменьшать роль Витаутаса Ландсбергиса и Казимиры Прунскене в восстановлении литовской независимости), в конституцию были записаны всеобщие президентские выборы. Однако набор полномочий литовского президента, повторюсь, был существенно ограничен. Таким образом, все три страны Балтии выбрали тип республики, близкой к парламентской.

Некоторые авторы, сравнивая успехи демократии в бывших республиках Советского Союза, приходят к выводу о преимуществах парламентской республики по сравнению с президентской применительно к этим странам. В парламентских республиках Балтии процесс демократизации проходил успешнее и быстрее, чем в президентских республиках Восточной Европы, включая Россию, страны Закавказья и Средней Азии.

Более того, именно в Литве, где президент избирается на всеобщих выборах, он оказался вовлеченным в коррупционный скандал, который серьезно ударил по престижу литовской демократии. Многие эстонские и латвийские политики убеждены, что в их странах, где президент избирается парламентом, возникновение такой ситуации едва ли возможно. Вместе с тем, учитывая опыт США и Пятой республики во Франции, говорить о преимуществах парламентской республики все же представляется преждевременным.

Граждане и неграждане

Сосуществование в политической науке как минималистской, так и широкой трактовки демократии позволяет говорить о двух ее измерениях — количественном и качественном. Качественное измерение демократии основывается на выполнении государством, претендующим на название демократического, базовых требований; эти требова-

ния как раз и изложены в минималистских определениях демократии. В соответствии с этими определениями к демократиям можно отнести широкий спектр государств — от Скандинавских стран до Ирана.

Количественное измерение демократии опирается на широкую трактовку этого понятия. В соответствии с ней «лучшей» является та демократия, в которой выполняется большее число требований, изложенных в многочисленных широких определениях. Естественно, выполнить все эти требования не представляется возможным ни в одном государстве, поскольку различные требования к демократии зачастую противоречат друг другу. Вместе с тем этот подход позволяет выделить среди демократических государств мира «более демократические» и «менее демократические».

Различные авторы предлагают различные методы количественного измерения демократии.¹² Все они имеют как свои преимущества, так и недостатки. Возьмем, например, шкалу политических свобод международной правозащитной организации *Freedom House*. Ее недостаток легко продемонстрировать на примере индекса России. В первой половине 1990-х гг. Россия, как и страны Балтии, имели индекс политических свобод на уровне «3» (полностью свободные страны имеют индекс «1», полностью несвободные — «7»).

Литва стала первой из стран Балтии, кому был присвоен индекс «1» в 1995 г., в 1996 ее догнала Эстония, а в 1997 г. — Латвия. Что же касается России, то ее индекс никогда не поднимался выше «3», а начиная с 1998 г. постоянно падал и в 2004 г. достиг отметки «6», т. е. всего на один пункт отошел от абсолютной несвободы, характерной для тоталитарного режима, который существовал в Советском Союзе. При этом нельзя не отметить значительных изменений в области политических прав граждан даже в сегодняшней России по сравнению с Советским Союзом.

Представляется, что *Freedom House* имела все основания снизить значение этого индекса для России в 1998–1999 гг., когда за полтора года президент Б. Н. Ельцин отправил в отставку четыре правительства, причем парламент практически не играл роли в процессе назначения нового правительства. Аналогично существовали основания для снижения этого индекса в 2000 г., когда в стране возникли первые проблемы в области свободы средств массовой информации (индикатором этих проблем стали конфликты вокруг телекомпаний «НТВ» и «ТВ-6»), и в 2004 г., когда были отменены губернаторские выборы.

---

¹² *Munck G. L., Verkuilen R. Conceptualizing and Measuring Democracy: Evaluating Alternative Indices // Comparative Political Studies. 2002. Vol. 35. N. 1. P. 5–34.*

Вместе с тем едва ли представляется возможным говорить, что Россия стоит на пороге полной ликвидации политических свобод граждан, сопоставимой с полной несвободой, существовавшей в Советском Союзе или существующей ныне в абсолютных монархиях Ближнего Востока. Скорее здесь можно говорить об еще одном недостатке индекса политических свобод *Freedom House*, который заложен в самом принципе использования семиразрядной шкалы: она не позволяет точно оценивать значение того или иного факта в политическом развитии государств, благодаря чему зачастую одинаковую оценку получают несопоставимые по своему масштабу преобразования.

Этот недостаток индекса *Freedom House* проявляется и в его оценке демократизации в странах Балтии. В 2004 г. этот индекс зафиксировал достижения демократизации в Латвии и Эстонии на уровне «1», равном уровню стран Северной Европы.¹³ Таким образом, этот индекс рассматривает как не значимый тот факт, что в Эстонии, как и в странах Северной Европы, иностранцы, постоянно проживающие на ее территории, имеют право участвовать в выборах в органы местного самоуправления (причем как избирать, так и быть избранными). А в Латвии иностранцы такого права не имеют.

В 1990-х гг. индекс *Freedom House* четко увязывал уровень политических свобод в странах Балтии с предоставлением политических прав иностранцам, в первую очередь представителям русскоязычного населения. Литва, в которой проблема иностранцев была решена путем предоставления литовского гражданства всем жителям республики на момент восстановления независимости, первой получила высшую оценку уровня политических свобод в стране.

В отличие от нее Латвия и Эстония предоставили гражданство лишь тем жителям республики, кто сами или чьи предки являлись гражданами этих стран в 1940 г. Таким образом, более трети населения Эстонии и почти половина населения Латвии оказались в этих странах в положении иностранцев. Вместе с тем ошибочным является представление, согласно которому гражданство в этих странах предоставлялось по этническому принципу.

В Эстонии, например, вместе с этническими эстонцами гражданство получили и русские, чьи предки проживали в стране до начала Второй мировой войны, например представители общины русских староверов, еще со времен реформы Никона проживавшие на западном берегу Чудского озера. Напротив, многие этнические эстонцы не смогли получить эстонского гражданства, например

¹³ Значения рейтинга политических свобод и прав человека для различных стран мира, присваиваемые *Freedom House*, можно найти на сайте этой организации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.freedomhouse.org>.

представители петербургской эстонской общины, проживавшие в Петрограде—Ленинграде в 1920–1930-х гг.

Вместе с тем в большинстве случаев именно этнические эстонцы и латыши стали гражданами Эстонии и Латвии, в то время как большинство русскоязычного населения обеих республик были вынуждены выбирать между российским паспортом или так называемым паспортом иностранца, который эстонские и латвийские власти выдавали жителям, не прошедшим пока еще процедуру натурализации. Это дало основание ряду авторов говорить о дефиците демократии в Эстонии и Латвии, а также о становлении в этих странах «этнократии».¹⁴

Сама процедура натурализации, прописанная в законах о гражданстве обеих республик, занимала не один год. Этот факт продолжает вызывать озабоченность российской дипломатии, благодаря чему вопрос о соблюдении прав человека в Эстонии и Латвии поднимался на заседаниях международных организаций, в том числе ООН и ОБСЕ. Вместе с тем анализ законов о гражданстве Эстонии и Латвии 1990-х гг. и последней редакции российского Закона о гражданстве дают основание говорить, что российский документ был составлен во многом под влиянием аналогичных документов стран Балтии.

Согласно законам о гражданстве Эстонии и Латвии, первые пять лет после восстановления независимости так называемые иностранцы могли проживать на территории республик на основании внутреннего вида на жительство, который было необходимо продлевать каждый год. По истечении пяти лет они могли обратиться за выдачей постоянного вида на жительство, который значительно расширял гражданские права его обладателя по сравнению с временным видом на жительство. В частности, он давал возможность голосовать (только в Эстонии) на выборах в органы местного самоуправления.

По истечении еще пяти лет обладатель постоянного вида на жительство мог подать заявление о предоставлении ему гражданства республики. В случае успешной сдачи экзаменов на знание государственного языка и Конституции страны гражданство ему предоставляется. Обычно последняя процедура занимает не менее года, таким образом, для получения гражданства Эстонии иностранец обязан прожить на территории республики одиннадцать лет: пять лет по временному виду на жительство, пять лет по постоянному виду на жительство и еще год в ожидании решения о предоставлении ему гражданства.

---

¹⁴ *Guscins V.* Этнократия: латвийский вариант // *Latvija: cela uz demokratiju 1987–2003 / Red. Viktors Guscins. Riga: Jumi, 2004. P. 22–33.*

С момента восстановления независимости Эстонии и Латвии прошло уже более четырнадцати лет, таким образом, любой представитель русскоязычного населения этих стран мог бы еще три года назад пройти процедуру натурализации. Вместе с тем в обеих странах до сих пор проживает значительное число иностранцев, или, как их обычно называет российская пресса, «неграждан».

Причин здесь несколько. Часть эстонских и латвийских «иностранцев» до сих пор не смогли освоить государственный язык, а потому не могут завершить процедуру натурализации и сдать экзамен на знание государственного языка. В первую очередь это касается пенсионеров, которые не используют государственный язык в повседневной жизни. Незначительному числу иностранцев было отказано в предоставлении гражданства, несмотря на выполнение процедуры натурализации, что повлекло их обращение в суды, в том числе Европейский суд по правам человека. Наконец, значительная часть эстонских и латвийских иностранцев, в первую очередь молодых, не спешат пройти процедуру натурализации, несмотря на прекрасное порой владение государственным языком.

В качестве основной причины отказа становиться гражданином своей страны они, как правило, называют нежелание служить в армии. Этот факт дал основание эстонскому политологу Рейну Руутсо предложить альтернативную этнополитическую модель для своей страны, заключающуюся в скорейшем предоставлении гражданства всем жителям Эстонии с условием прохождения ими воинской службы. При этом Рейн Руутсо ссылаясь на собственный опыт службы в Советской армии, который позволил ему в кратчайшие сроки овладеть русским языком.

Пассивность значительной части иностранцев в отношении приобретения гражданства своей страны является одной из причин их пассивности в области политического участия в целом, в том числе на выборах. Как уже было сказано, эстонские и латвийские иностранцы, обладающие постоянным видом на жительство, имеют право голосовать на местных выборах. И в середине 1990-х гг., когда лишь незначительная группа иностранцев обладала постоянными видами на жительство в обеих республиках, их явка была много выше, чем у граждан.

Однако к концу 1990-х, когда бóльшая часть иностранцев получили постоянные виды на жительство, их политическое участие снизилось и оказалось даже ниже, чем у граждан. В своем прогнозе результатов выборов в органы местного самоуправления 2002 г. эстонский политолог Рейн Тоомла предсказывал еще более низкую явку среди иностранцев, опираясь, в частности, на табл. 1.

Таблица 1
**Динамика участия жителей Эстонии в выборах
 в органы местного самоуправления в 1993–1999 гг.**

Год вы- боров	Избирате- лей, всего	Участие всего, %	Граждан	Участие граждан, %	Неграждан	Участие неграж- дан, %
1993	880296	52,6	—	—	—	—
1996	878962	52,5	807893	49,7	71069	85,0
1999	1052404	49,8	856030	50,6	196374	43,2

Составитель Р. Тоомла.¹⁵

Некоторые эстонские эксперты предсказывали, что вступление страны в Евросоюз повысит активность иностранцев в деле получения гражданства республики, поскольку таким образом они автоматически приобретают гражданство ЕС. Однако если какие-то изменения в тенденциях получения эстонского и латвийского гражданства в связи со вступлением этих стран в Евросоюз и произошли, о них пока рано говорить со значительной долей определенности.

Важно отметить, что проблема политических прав русскоязычного населения относится именно к проблемам демократизации этих стран, а не к проблемам прав человека. Такие международные организации, как, например, *Human Rights Watch*, несомненно, отмечают в странах Балтии нарушения прав человека. Более того, в этих странах зарегистрировано больше нарушений прав человека в отношении русскоязычного населения, чем в отношении этнических эстонцев, латышей и литовцев.

Проблема политических прав, на которую в первую очередь указывают российские дипломаты и некоторые исследователи при анализе положения русскоязычного населения в странах Балтии, возможно, является одной из причин такой ситуации, однако рассматривать ее как аспект проблем прав человека представляется неправильным. Прикрываясь лозунгом о правах человека, эти дипломаты и ученые фактически пытаются навязать странам Балтии иной тип демократии, нежели избранный ими в начале 1990-х гг.

По тому, как в различных демократиях учитываются мнения меньшинств при принятии политических решений, можно выделить четыре типа демократических государств, хотя большинство демократий являются промежуточными вариантами между этими типами.

¹⁵ Тоомла Р. Политические партии в Эстонии перед выборами в органы местного самоуправления 2003 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.brcinfo.ru>.

В наименьшей степени мнение меньшинств при принятии решений учитывается в прямых демократиях, т. е. там, где значимое количество политических решений принимается на референдумах. Классическим примером такой демократии является старейшая демократия мира — Швейцария.

Швейцарские кантоны с незначительным числом населения, проживающего в каждом кантоне, являются практически гомогенными с точки зрения языкового и религиозного состава населения. Соответственно не возникает опасений, что в результате действия прямой демократии будет постоянно игнорироваться мнение того или иного сегмента общества. Вместе с тем при принятии каждого конкретного решения на референдуме мнение меньшинства, даже если оно составляет почти половину населения, игнорируется.

Применение прямой демократии в унитарных государствах представляет собой значимую угрозу демократии. Например, в некоторых бывших республиках СССР решение о возможности одному человеку избираться на пост президента большее число раз, чем разрешается в Конституции страны, принималось именно на референдумах.

Однако в сочетании с федеративным устройством государства, как это сделано в Швейцарии, где кантоны наделены значительными политическими полномочиями, прямая демократия не представляет значимой угрозы. Любопытно, что хотя на уровне конфедерации в Швейцарии также проводится значительное число референдумов, в целом она представляет собой другую модель демократии — общественную, о которой я буду говорить ниже. Без этого соотношения двух моделей демократии, интуитивно найденных создателями Конфедерации еще в Средние века, швейцарская демократия едва ли сохранилась бы в обстановке, когда она была единственной в мире. Таким образом, и Швейцарию нельзя относить к прямым демократиям в чистом виде.

Большинство демократий мира сочетают в себе элементы прямой и представительной демократии, в которой политические решения принимаются специально созданными государственными институтами: парламентом, правительством, президентом, судами и т. д. Среди представительных демократий также можно выделить несколько типов по вышеуказанному критерию. Первым из них является мажоритарная представительная демократия, действующая, например, в США.

Отцы-основатели американского государства утверждали, что в больших по размеру демократиях мнение меньшинств учитывается в большей мере, поскольку меньшинства оказываются также больших размеров и их голос может быть лучше услышан. Вместе

с тем, позаимствовав у бывшей метрополии — Великобритании — мажоритарную избирательную систему, они снизили возможность меньшинств влиять на процесс принятия решений. Именно поэтому борьба чернокожего населения США за свои права в середине XX в., одним из символов которой стал Мартин Лютер Кинг, проходила не в залах конгресса, а на улицах.

В гораздо большей степени мнение меньшинств при принятии политических решений учитывается в демократиях с пропорциональной избирательной системой. В них представители меньшинства, способные сформировать политическую партию, практически гарантированно получают представительство в парламенте страны и смогут делегировать своих представителей в правительство. Например, в Финляндии еще до обретения страной независимости в 1918 г. была сформирована Шведская народная партия, которая в течение всех почти девяноста лет существования Финляндской Республики имела свою фракцию в парламенте страны и ее представители входили в состав практически каждого финского правительства.

При этом элементы прямой демократии в странах с такой формой правления используются неохотно. Например, в Финляндии за всю историю страны было проведено всего два референдума: в 1920-х гг. из-за «сухого закона» и в 1994 г. по вопросу присоединения к Европейскому союзу.

В многосоставных обществах, как в Европе, так и за ее пределами, эффективно действуют так называемые общественные демократии, обеспечивающие еще большую возможность для меньшинств влиять на процесс принятия решений.¹⁶ Эта форма государственного устройства предполагает, что различные сегменты общества будут иметь равное представительство в органах государственной власти той или иной страны, а правительство будет формироваться по принципу «большой коалиции», включающей в себя по возможности максимальное число представителей различных сегментов общества.

Каждый сегмент общества будет иметь право вето в процессе принятия решений; те же решения, которые затрагивают жизнь лишь данного сегмента общества, будут приниматься автономно его представителями без участия представителей других сегментов. Как я уже говорил, данная модель на протяжении веков эффективно применяется, например, в Швейцарии на уровне Конфедерации. В «третьем мире» эта модель успешно действовала на Кипре до государственного переворота 1974 г., ее применение позволило

---

¹⁶ *Лейнхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование. М.: Аспект-Пресс, 1997.

установить после длительной гражданской войны мир в Ливане, который длится уже более десяти лет.

Наконец, заслуживает упоминания модель консенсусной демократии, хотя она и не применяется в чистом виде ни в одной стране мира. Суть ее заключается в том, что никакое решение не принимается, пока его не одобряют все без исключения члены данного сообщества. Разумеется, такая модель может применяться лишь в небольших по численности населения обществах, поскольку иначе процесс принятия решений был бы слишком долог. Вместе с тем, по таким законам живут представители коренных народов стран «третьего мира», например мексиканские индейцы.

Когда в 1994 г. восставшие индейцы, протестуя против присоединения Мексики к НАФТА — Североамериканской зоне свободной торговли, — захватили власть в провинции Чьяппа, они установили на контролируемой ими территории именно такую форму правления. Элементы этой формы правления используются и в других странах «третьего мира», в том числе отдаленных от Мексики, например в Сомали, однако именно мексиканский опыт стал наиболее известным всему миру благодаря литературной и общественной деятельности одного из участников восстания, известного европейцам под псевдонимом «Субкоманданте Маркос».¹⁷

Когда в 1992 г. страны Балтии выбирали наиболее приемлемую для себя форму правления, они предпочли косвенную демократию прямой и пропорциональную избирательную систему мажоритарной. Требования же российской стороны, которые сводятся к предоставлению русскоязычному населению пропорционального представительства в органах государственной власти этих стран и к предоставлению автономии территориям компактного проживания русскоязычного населения (например, Северо-Востоку Эстонии), являются требованиями изменить форму демократии в этих странах на общественную.

Разумеется, ни одно суверенное государство не пойдет на изменение конституционных основ своего государственного устройства под давлением другого государства. Таким образом, представляется, что постоянное муссирование проблем русскоязычного населения в странах Балтии некоторыми российскими политиками является лишь популистским ходом с их стороны. Для российских дипломатов же это служит хорошим поводом препятствовать нормализации отношений со странами Балтии например подписанию пограничных договоров с Латвией и Литвой.

---

¹⁷ Субкоманданте Маркос. Другая Революция: сапатисты против нового мирового порядка. М.: Гилея, 2002.

Утверждается также, что русскоязычное меньшинство Эстонии и Латвии не в состоянии реализовать свои права в рамках пропорциональной демократии, поскольку значительная часть его представителей до сих пор не имеет гражданства своих стран, а соответственно не может участвовать в парламентских выборах. Это далеко не так. В Латвии представители «русских» партий, из которых наиболее известным является Движение «За права человека в единой Латвии» («За ПЧЕЛ»), составляют пятую часть всех депутатов сейма.

Что же касается Эстонии, то здесь «русские» партии — Русская партия в Эстонии и Объединенная народная партия — действительно не представлены в парламенте. Однако происходит это не из-за того, что большинство русскоязычного населения лишено права голосовать, а потому, что они предпочитают голосовать за Центристскую партию Эдгара Сависаара. Эта партия является значимой политической силой, и в ее программе записано требование ввести русский язык в качестве второго официального языка на уровне местного самоуправления. В отличие от требований российских политиков оно не противоречит базовым принципам эстонской демократии и, хочется надеяться, будет реализовано в будущем.

Таким образом, проблемы русскоязычного населения не являются значимой угрозой для демократии стран Балтии. Вместе с тем нельзя сказать, что столь молодым демократиям совершенно ничего не угрожает — на опасностях, подстерегающих как страны Балтии, так и другие молодые демократии, я остановлюсь более подробно в следующей главе. Сейчас же представляется необходимым подвести промежуточные итоги анализа демократизации этих стран.

Модернизация, понимаемая в данном случае как процесс заимствования молодыми демократиями моделей властных институтов у «старших братьев», оказала значительное влияние на демократизацию стран Балтии. В 1991 г., когда они имели возможность выбирать между различными формами демократии, на выбор пропорциональной модели повлияла не только их история, но также опыт соседних северных и западных стран, в первую очередь Германии.

Аналогично страны Балтии позаимствовали у США модель либерального мира, оказавшую несомненное влияние на политику демократизации, которую Америка проводит по всему миру. Именно она заставляет страны Балтии принимать так «близко к сердцу» угрозы демократизации в России. Наши балтийские соседи искренне верят, что их безопасность и успехи российской демократизации находятся в прямой зависимости друг от друга.

Несмотря на очевидные успехи, страны Балтии остаются молодыми демократиями, и их властные институты, несомненно, нуж-

даются в дальнейшем развитии. Вместе с тем проблема демократического дефицита в Евросоюзе, членами которого страны Балтии являются начиная с 2004 г., создает ситуацию, когда им будет не у кого заимствовать эффективные модели демократического развития. Напротив, им придется разрабатывать собственные пути демократизации, несмотря на всю сложность этой задачи. Таким образом, можно сказать, что значение модернизации для демократии в странах Балтии будет снижаться.

3.2. Угрозы балтийской демократизации

Секьюритизация и демократизация

Выше было показано, как в 1995 г. Литва, а вслед за ней Латвия и Эстония, достигли высшего уровня демократизации, возможного в современном западном обществе. Во всяком случае, именно так оценила успехи балтийской демократизации международная неправительственная организация *Freedom House*. Однако менее чем через десять лет, в 2004 г., та же *Freedom House* понизила индекс уважения политических прав граждан в Литве на один пункт. В настоящей главе я попытаюсь раскрыть причины возникновения таких проблем в политической системе Литвы, оценить, являются ли эти проблемы важными в долгосрочной перспективе или же они показывают лишь кратковременное отклонение от курса демократизации. Также я постараюсь проанализировать, существуют ли схожие проблемы в политических системах двух других стран Балтии: Латвии и Эстонии.

Политический кризис в Литве 2004 г. связан с именем президента страны Роландаса Паксаса. Утверждается, что именно его действия стали причиной утечки информации о деталях сделки, в результате которой литовское государство планировало обзавестись несколькими вертолетами. Некие российские бизнесмены планировали извлечь из этой информации определенную прибыль. Однако об утечке информации стало известно правоохранительным органам Литовской Республики и в кратчайшие сроки эта проблема стала предметом парламентского расследования.

Обычный коррупционный скандал в данной ситуации усугублялся двумя моментами. Во-первых, хотя Литва и является членом НАТО, а соответственно обязана расходовать на нужды обороны как

минимум 2 % своего ВВП, военный потенциал этой страны остается незначительным и приобретение нескольких вертолетов было способно существенно его изменить. Соответственно коррупционный скандал приобрел окраску проблемы национальной безопасности. В глазах же как литовской элиты, так и литовского общества, проблемы безопасности обладают несомненным приоритетом по сравнению с экономическими проблемами. Едва ли утечка информации по сделке, связанной с приобретением Литвой, например, партии маневровых тепловозов, привела бы к возникновению такого скандала.

Следует отметить, что приоритет проблем безопасности над экономическими проблемами не является уникальным феноменом, присущим исключительно Литве, но наблюдается во всех без исключения странах Запада, в том числе и в России, а также в некоторых странах «третьего мира». Еще в 1992 г. скандинавский ученый У. Вэвер ввел понятие *securitization* в научный оборот,¹⁸ и с тех пор десятки ученых внесли свой вклад в разработку этой категории.¹⁹ Как правило, под ней понимается придание окраски проблемы безопасности тому или иному аспекту общественной жизни с целью присвоения ему большего политического значения.

Немецкий философ Ульрих Бек видит причину этого феномена в трансформации западного общества, начавшейся в середине 1980-х гг. В своей работе «Общество риска»²⁰ он даже называет точную дату начала этой трансформации — апрель 1986 г., когда катастрофа на Чернобыльской АЭС, произошедшая, казалось бы, за «железным занавесом», затронула и западный мир, поскольку выяснилось, что «железный занавес» не является помехой для перемещения радиационных облаков. По мнению Бека, именно тогда понимание приоритета проблем безопасности над экономическими проблемами, зревшее в западном обществе, получило реальное подтверждение и под влиянием его началась перестройка практически всех элементов западного общества.

В сфере семейных отношений это дало толчок борьбе женщин за свои права. Раньше приоритет материальных проблем обуславливал разделение труда между мужчинами и женщинами, между карьерой и кухней. Напротив, в новом обществе приоритет получило стремление женщин обезопасить себя от любых форм неста-

¹⁸ Weaver O. *Securitization and Desecuritization // On Security / Ed. by Ronnie D. Lipschutz. New York: Columbia University Press, 1995. P. 46–86.*

¹⁹ См., например: Moeller F. «We See the World Through Faulty Eyes» — *Imaging Security // New Security Challenges as Challenges to Peace Research / Ed. by Konstantin K. Khudoley. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2004. P. 42–55.*

²⁰ Бек У. *Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.*

бельности, исходящих от мужчин, начиная с бытового насилия и заканчивая карьерными неудачами, что обусловило стремление женщин добиваться успеха самостоятельно.

В сфере экологии это обусловило быстрое развитие «зеленого» движения, поскольку на смену альтруистическому стремлению просто защитить природу и ее отдельные виды от последствий деятельности человека пришло понимание необходимости поддерживать безопасность окружающей среды в интересах как грядущих, так и уже нынешнего поколения. В политике это привело к значительному расширению функций государственной власти, поскольку все большее число проблем было отнесено к вопросам безопасности, а государство в западном мире обладает практически неограниченной монополией на решение проблем безопасности.

В международных отношениях это привело к секьюритизации целого ряда аспектов. Здесь я использую слово «секьюритизация» для обозначения введенной У. Вэвером категории, поскольку этимология русского слова «безопасность» не оставляет возможности для прямого перевода его на русский язык. Единственная известная мне попытка ее нефонетического перевода была предпринята российским политологом Константином Вороновым, который предложил переводить ее как «политизацию».²¹ К слову, категория «политизация» используется и в переводе другой известной работы Ульриха Бека — «Что такое глобализация?» Однако здесь и далее я буду пользоваться более привычным для меня термином «секуратализация», и именно этот процесс можно назвать среди основных причин того, что коррупционный скандал в Литве сыграл такую значимую роль в процессе литовской демократизации.

Во-вторых, ситуацию усугубило еще и то, что бизнесмены, ранее финансировавшие избирательную кампанию Роландаса Пакса, а затем решившие воспользоваться своими близкими отношениями с литовским президентом в коммерческих целях, оказались не западноевропейскими или американскими, а именно российскими.

Хорошо известен скандал, разразившийся в российско-литовских отношениях в сентябре 2005 г., когда наш военный самолет, направлявшийся из Ленинградской области в Калининград, в силу технических причин был вынужден пойти на аварийное приземление на литовской территории. С одной стороны, этот скандал встал в ряд с аналогичными случаями в отношениях между Россией и странами Балтии, каких немало число имело место с 1990-х гг.

---

²¹ Воронов К. «Северное измерение» — затянувшийся дебют // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 2. С. 76–86.

вплоть до настоящего времени. С другой стороны, он заставил по-новому оценить именно подход Литвы к отношениям с Россией, который несколько отличается от подходов других стран Балтии.

Здесь следует заметить, что Литва — наименее успешная в экономическом плане из трех стран Балтии, в 1990-е гг. оказалась в наибольшей степени зависимой от успехов и неудач российской экономики. В качестве примера можно привести российский финансовый кризис августа 1998 г., который затронул все без исключения страны Балтии, однако наиболее больно ударил по финансовому сектору именно Литвы. Последствия российского финансового кризиса заставили второе правительство Вагнориуса уйти в отставку.

В самом деле, последствия российского финансового кризиса привели к падению литовского ВВП на 2% в 1999 г., притом что в предыдущие годы наблюдался быстрый экономический рост, сопоставимый с экономическим ростом в России начала 2000-х гг. Сменившее Вагнориуса первое правительство Паксаса — будущего литовского президента — было вынуждено резко сократить бюджетные расходы. Впрочем, несмотря на этот шаг, правительство Паксаса продержалось лишь с мая по октябрь 1999 г., после чего к власти пришло правительство Кубилиуса, представителя консервативного крыла литовского парламента.²²

В мае 2004 г. Литва, как и соседние Латвия с Эстонией, вступили в Европейский союз. Важно подчеркнуть, что если в Латвии и Эстонии на референдумах по вопросу вступления в ЕС осенью 2003 г. лишь две трети населения выступили за присоединение к этому интеграционному объединению, то на референдуме в Литве, прошедшем летом 2003 г., за членство в ЕС проголосовало более 90%. К слову, именно в Литве наблюдались наибольшие отклонения от демократических стандартов при проведении референдума. Так, один литовский бизнесмен пообещал «одарить» товарными наборами всех жителей страны, принявших участие в референдуме. Однако, несмотря на подобные нарушения, результаты референдума в Литве были признаны соответствующими демократическим стандартам.

Присоединение к Евросоюзу в странах Балтии, как и в других странах Центральной и Восточной Европы, породило краткосрочные

²² Здесь следует заметить, что между отставкой 4 мая 1999 г. правительства Г. Вагнориуса и утверждением 18 мая того же года правительства Р. Паксаса действовало переходное правительство во главе с и. о. премьер-министра И. Дегутиене, также представителя консервативной партии. Она же занимала должность и. о. премьер-министра между отставкой 27 октября правительства Р. Паксаса и назначением 3 ноября правительства А. Кубилиуса. Однако суммарные 18 дней пребывания И. Дегутиене на посту и. о. премьер-министра едва ли следует рассматривать в качестве важного этапа в политике Литвы.

экономические проблемы, больно ударившие по наименее социально защищенным слоям населения этих стран. Например, перед странами Балтии встала необходимость отказаться от импорта сахара с Украины и начать импортировать более дорогой испанский сахар. Как и в любой стране, имеющей недавний опыт плановой экономики, слухи о предстоящем подорожании сахара привели к массовым закупкам представителями беднейших слоев населения товаров первой необходимости — не только сахара, но также соли, спичек и т. д. — из-за чего даже возник краткосрочный дефицит этих товаров.

Разумеется, проблема дефицита сахара была решена в странах Балтии в считанные дни. Кстати, попутно выяснилось, что многие компании в преддверии повышения цен на этот товар также создали значительные его запасы на своих складах в надежде получить спекулятивные прибыли в будущем; за это Европейская комиссия даже хотела подвергнуть страны Балтии штрафным санкциям. Однако другие экономические проблемы, связанные с расширением ЕС, оказали более долгосрочное действие на экономику стран Балтии.

В Эстонии и Латвии, так же как в странах Западной Европы (например, во Франции и Голландии, где референдумы по вопросу принятия проекта нового Конституционного договора для Евросоюза окончились неудачей), представители политической элиты и пресса возложили всю вину на «брюссельскую бюрократию». К слову, само существование ЕС с его демократическим дефицитом является одним из своеобразных факторов демократической стабильности в странах Западной Европы. Любой экономический успех политической элитой той или иной страны приписывается действующему правительству, в то время как во всех неудачах винят Брюссель. Представляется, что элиты Эстонии и Латвии собираются идти по тому же пути.

В Литве же наблюдается иная ситуация. Как и в более ранние годы, когда критика Евросоюза практически не звучала на страницах литовской печати (что и обусловило во многом столь успешные результаты референдума летом 2003 г.), ЕС остается для элиты и прессы «священной коровой». Соответственно у ряда представителей элиты страны возникает потребность найти другого, помимо Евросоюза и действующего правительства, виновника современных экономических бед. Пока беглый анализ литовской прессы не дает основания заявлять, что в качестве «козла отпущения» будут выбраны российские компании. Однако нет и свидетельств, заставляющих отказаться от такого прогноза развития ситуации.

Таким образом, коррупционный скандал вокруг литовского президента, разразившийся в начале 2004 г., усугубили два факто-

ра: то, что скандал затронул интересы национальной безопасности, и то, что скандал был связан именно с российскими бизнесменами, пытавшимися подкупить нечистых на руку литовских политиков. Подогретое таким образом общественное мнение заставило парламентскую комиссию по расследованию инцидента трудиться с максимальной эффективностью, а когда работа комиссии была завершена — наказать виновных с максимальной строгостью.

В результате в литовском парламенте была запущена процедура импичмента, и президент Паксас оказался отрешен от должности. Надо сказать, что процедура импичмента, хотя она и предусмотрена в политических системах практически всех демократических государств, где существует институт президента, на практике является достаточно редким явлением. В Западной Европе она не применялась ни разу. В США угроза импичмента вставала перед тремя президентами, однако соответствующая процедура была доведена до конца лишь однажды — в XIX в.

Даже в России процедура импичмента президента Ельцина, запущенная коммунистами после финансового кризиса 1998 г., не собрала нужного числа голосов в Государственной думе весной 1999 г. Таким образом, импичмент литовского президента не мог не заставить западных наблюдателей пересмотреть свой подход не столько даже конкретно к Паксасу, сколько к литовской демократии в целом. При этом аргументы литовской элиты — что кризис был инициирован «русскими» и затронул национальную безопасность страны — не были приняты во внимание. Иностранцев наблюдателей заинтересовал лишь тот факт, что литовский президент не оказался независим от экономических интересов неких компаний. В результате *Freedom House* понизила индекс уважения политических прав граждан Литвы.

Случай Литвы, казалось бы, в очередной раз подтвердил тезис тех исследователей демократизации, который усматривают связь между уровнем экономического развития страны и степенью ее демократизации. В самом деле, Литва является наименее успешной из трех стран Балтии с точки зрения темпов ее экономического развития в 1990-е гг. Соответственно средства массовой информации, например, Эстонии, хотя и не могли пройти мимо коррупционного скандала в Литве, приведшего к импичменту президента страны, вместе с тем все же не уделили ему достаточного внимания. Их основной аргумент заключался в том, что Литва — страна бедная, а потому в ней должны были возникнуть проблемы с демократией; в более же богатой Эстонии таких проблем возникнуть не может. Однако так ли это на самом деле?

Действительно, в большинстве своем развитые демократии являются также и промышленно развитыми странами, в то время как для большинства аграрных стран «третьего мира» демократизация является не более чем кратковременным завоеванием, и после пятидесяти лет демократического правления эти страны скатываются в пучину гражданской войны либо военной диктатуры. В Европе на протяжении XX в. демократизация быстрее проходила на промышленно развитом севере, нежели на относительно аграрном юге.

Противники этой теории, к которым, в частности, относится Сэмюель Хантингтон,²³ обычно выдвигают два аргумента.

Первый и, пожалуй, наиболее убедительный связан с примером Индии. Нельзя не отметить, что после отказа от политики замещения импорта, которую она проводила в 1960-х гг., конкурентоспособность этой страны в глобальной экономике значительно повысилась, стремительное развитие получил сектор применения наукоемких технологий. Вместе с тем уровень жизни большей части населения остается достаточно низким. При этом и в 1960-е гг., и в настоящее время Индия оставалась стабильной демократией, хотя проведение выборов во второй по численности населения стране мира с низким уровнем грамотности представляет собой определенную проблему. В отличие от Запада выборы здесь проводятся не в один день, а на протяжении нескольких недель.

Второй аргумент предполагает возможность существования связи между степенью демократизации страны и уровнем ее экономического развития, однако рассматривает ее в качестве обратной зависимости: мол, не демократия побеждает в более экономически развитых странах, а, напротив, экономика страны развивается быстрее в условиях демократии. Подобный аргумент можно было услышать в Советском Союзе в последние годы его существования: многим тогда представлялось, что тоталитарное советское государство является естественным ограничителем экономического роста, а демократизация связывалась с появлением в магазинах сотен сортов колбасы вместо одного, спрятанного под прилавками Страны Советов.

Следует отметить, что подобный аргумент рассматривался всерьез не только идеологами демократизации на постсоветском пространстве. Например, многим японским экономистам казалось, что демократизация Советского Союза принесет не только открытие границ для импорта из Японии, но и станет существенным подспорьем в развитии постсоветской экономики, что стимулирует спрос на этот

---

²³ См., например: *Huntington S. Political Order in Changing Societies. New Heaven: Yale University Press, 1968.*

импорт. Соответственно во второй половине 1980-х гг. японские компании предприняли широкомасштабное расширение производства, способное удовлетворить потенциальный спрос покупателей из стран Восточной Европы и СССР.

То, что распад советской системы привел к резкому снижению покупательной способности населения в бывших социалистических странах, вызвало шок у японских аналитиков. В не меньшей степени это стало шоком и для населения бывших республик Советского Союза, что создало угрозу демократии в этих странах, которая обернулась формированием в большей или меньшей степени авторитарных политических режимов во всех постсоветских странах, за исключением Балтии.

Таким образом, большинство исследователей сходятся во мнении, что демократизация и экономический рост являются независимыми друг от друга переменными. Соответственно значительные усилия мирового сообщества в последние годы оказались сконцентрированы на демократизации в пока еще не демократических странах вне зависимости от того, являются ли они промышленно развитыми, как, например, Сингапур, который до сих пор остается авторитарной страной, или аграрными развивающимися, как, например, Ботсвана.

Вместе с тем существует и значительное число исследователей, которые продолжают утверждать наличие связи между экономическим ростом и демократизацией. Классическими в этой сфере стали труды Сеймура Липсета.²⁴ Индийский экономист Джаяджиш Бхагвати,²⁵ ныне работающий в США, использует тезисы Липсета для критики антиглобалистского движения. В частности, он пытается опровергнуть тезис о том, что глобализация, понимаемая как уничтожение барьеров на пути свободного движения товаров и капиталов через границы во всемирном масштабе, представляет собой угрозу для демократии развивающихся стран.

В самом деле, транснациональные корпорации — одна из движущих сил глобализации — получают значительные прибыли от переноса производства в страны «третьего мира» из-за принятых там более низких стандартов в сфере трудового, социального, налогового и экологического законодательства. Соответственно у руководителей транснациональных корпораций нередко возникает искушение поддерживать авторитарные режимы в странах «третьего мира», способные обеспечить неизменно низкие стандарты в перечисленных областях. Голливуд уже не раз рисовал портрет

²⁴ См, например: *Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // The American Political Science Review. 1959. N. 53 (1). P. 69–105.*

²⁵ *Бхагвати Дж.* В защиту глобализации. М.: Ладомир, 2005.

циничного западного бизнесмена, наживающегося на эксплуатации населения той или иной страны «третьего мира» при поддержке финансируемого им диктатора.

По мнению Бхагвати, подобная ситуация возможна в кино, однако не соответствует действительности. Деятельность транснациональных корпораций, как показывают статистические данные, неизменно приводит к экономическому росту в тех странах «третьего мира», где они работают; напротив, административные барьеры, возведенные на пути проникновения транснациональных корпораций в ту или иную страну, в конечном счете становятся одним из факторов экономического упадка в этой стране. Экономический же рост, в свою очередь, приводит к демократизации в странах «третьего мира», что Бхагвати и иллюстрирует на многочисленных примерах в своей книге.

Более точной с точки зрения научного аппарата являются работы Хуана Линца о демократизации в Испании в последние годы правления Франко и в Чили в последние годы правления Пиночета, которые также поддерживают тезис Липсета.²⁶ По мнению Линца, одной из причин демократизации в этих странах стал не экономический рост как таковой, но стабильный экономический рост. В период быстрого экономического роста, который наблюдался, например, в Чили в первые годы правления Пиночета, большинство населения не только не оказывало открытого сопротивления, но даже поддерживало в определенном плане диктатуру. Когда же экстенсивный экономический рост сменился стабильным, не только среди населения, но и в рядах элиты возникло стремление к демократизации политической системы страны.

В определенной степени эти выводы подтверждает и экономическая ситуация в странах Балтии. В Латвии, где экономический рост на протяжении последних десяти лет оставался стабильным, демократические институты также стабильно развивались, без каких-либо прорывов в области, например, политических прав русскоязычного населения (о чем речь шла в предыдущей главе), но и без значительных кризисов. Кстати, именно на макроэкономических показателях Латвии финансовый кризис 1998 г. в России сказался в наименьшей степени.

В Эстонии период экстенсивного роста, который продолжался на протяжении всей второй половины 1990-х гг. (за исключением 1999 г., когда свою роль сыграл российский кризис), в настоящее время сменился периодом устойчивого роста (порядка 5% ВВП в

---

²⁶ The Breakdown of Democratic Regimes / Linz J., Stepan A. (eds.). Baltimore: John Hopkins University Press, 1978.

год), а соответственно трансформация демократических институтов также приобрела устойчивую форму. В то же время в Литве, где аналогичный эстонскому период бурного экономического роста был прерван падением ВВП в 1999–2000 гг., в начале нового века темпы роста вновь увеличились, что, возможно, стало одним из факторов возникновения угрозы для демократии.²⁷

Лев Толстой и коррупция

Таким образом, экономические причины коррупции, создающие угрозу демократизации, стоят на первом месте в Литве, да и в странах Балтии в целом. Ситуация, когда официальная заработная плата чиновника оказывается зачастую меньше прожиточного минимума, стимулирует развитие коррупции. Чиновники оказываются в ситуации, когда они вынуждены брать взятки, чтобы прокормить свои семьи. В ряде случаев, особенно в странах Балтии, где представители молодого поколения практически полностью вытеснили администраторов старшего возраста, якобы скомпрометировавших себя работой в административном аппарате бывших советских республик Прибалтики, какое-то время естественным препятствием росту коррупции служило большое число бессемейных молодых чиновников.

Вместе с тем это все не могло ограничивать рост коррупции в долгосрочном плане. В самом деле, опыт стран Балтии показывает, что, несмотря на то что многие молодые чиновники в 1990-е гг. были лишены необходимости кормить семьи, это не остановило рост коррупции. Подобный метод борьбы с коррупцией не мог оказаться эффективным и с теоретической точки зрения.

Во-первых, его применение потребовало бы постоянной ротации чиновничьих кадров, что, в свою очередь, стало бы причиной их постоянно низкого профессионализма. В то же время, как будет показано ниже, современное состояние демократии требует от чиновников, напротив, непрерывного роста их профессионализма.

Во-вторых, наличие большого числа бессемейных чиновников могло бы в перспективе стать причиной конфликта между государственным аппаратом и населением страны, поскольку аппарат в этом случае не разделял бы базовых ценностей населения, которому служит. В то же время нельзя не отметить, что семейные ценности остаются важными для большинства населения стран Балтии, и в первую очередь для католической Литвы.

---

²⁷ World Development Indicators Database. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://publications.worldbank.org/ecommerce/catalog/product?item_id=631625.

Эйнарс Репше, премьер-министр Латвии в 2002 г., победил на парламентских выборах под лозунгом борьбы с коррупцией. В качестве одного из пунктов своей предвыборной программы он предлагал значительно увеличить заработную плату чиновникам, надеясь таким образом нанести коррупции серьезный удар. Однако Репше потерпел сокрушительное поражение.

Во-первых, рост заработной платы не привел к значимому снижению коррупции среди мелких чиновников, на которых и была в первую очередь рассчитана программа.

Во-вторых, рост заработной платы мелких чиновников никак не мог повлиять на сокращение числа взяток среди верхушки административного аппарата страны. Ведь нельзя сказать, что миллионные взятки, из-за которых периодически арестовываются крупные чиновники стран Балтии, берутся для «прокормления семьи». А по вопросу борьбы с миллионными взятками высших чиновников программа Репше не предусматривала каких-либо решений.

Более того, сам Репше был вскоре уличен в коррупции и оказался вынужден оставить пост премьер-министра.

Ниже мне еще придется вернуться к победе Репше на парламентских выборах в Латвии в 2002 г., но уже в контексте другой проблемы — популизма. В данном же контексте опыт Репше является убедительным доказательством того, что хотя экономические факторы и являются определяющими в росте коррупции, существуют и иные факторы, стимулирующие этот процесс.

Некоторые исследователи пытаются найти причину коррупции в системе отношений между агентом и структурой, сложившейся в странах Балтии (и других постсоветских государствах) под влиянием марксистско-ленинской философии. По их мнению, в США, например, где роль национальной идеи исполняет так называемая «американская мечта» (вера в успех отдельной личности благодаря таланту и усердному труду), объективно существует меньше оснований для коррупции.

Напротив, в России, воспитанной на философских идеях, в частности Льва Толстого (классическая сцена из «Войны и мира», когда Андрей Болконский, наблюдает небо над Аустерлицем и осознает всю тщетность усилий отдельной личности перед лицом обстоятельств), оснований для коррупции существует больше. Позднее эта идея была интегрирована в марксистско-ленинскую философию, занижающую значение индивидуальных усилий для достижения той или иной цели и завышающую роль в историческом процессе абстрактного «народа». Утверждается, что за годы советской оккупации эта идея органично вписалась и в мировоззрение жителей стран Балтии.

Выводы этих исследователей становятся еще более убедительными, если принять во внимание фундаментальные различия в англо-саксонском и восточноевропейском делопроизводстве. В странах англо-саксонской модели роль отдельного чиновника в процессе принятия вверенного его компетенции решения гораздо выше, чем в странах Восточной Европы. Это различие становится очевидным каждому, кто попытается сравнить процесс получения, например, американской и эстонской виз в соответствующих генеральных консульствах Петербурга.

Для получения эстонской визы существует строго оговоренный перечень документов, который должно предоставить лицо, ходатайствующее о получении визы. Отсутствие или ненадлежащее оформление одного из этих документов делает получение визы невозможным, однако при наличии всех требуемых документов случаи отказа в визе являются довольно редкими. Напротив, для получения американской визы конкретного перечня предоставляемых документов не существует, а решение о выдаче визы принимает консул в меру своей компетенции. При этом были случаи, когда визу получал гражданин, не представивший вообще никаких документов, а бывали случаи, когда представление десятков различных документов все равно заканчивалось отказом в выдаче визы.

Казалось бы, в таких условиях коррупция должна быть в большей степени развита в США, чем в Эстонии, однако на деле имеет место обратное. Сторонники описываемого подхода видят причину этого именно в различиях мировоззрения граждан США и Эстонии, становящихся чиновниками. Для американца приоритет имеет сфера его собственной компетенции. В гораздо меньшей степени его волнует бюрократическая система страны как таковая. Для чиновника стран Балтии система, представляющаяся насквозь коррумпированной, имеет приоритетное значение. Его основной аргумент звучит следующим образом: «Если все берут взятки, то почему не я?»

На этой теории, в частности, построена работа американского социолога латышского происхождения Размы Карклинс о коррупции в Латвии, название которой говорит само за себя — «Система заставила меня сделать это».²⁸ В ходе исследования коррупции среди латвийских чиновников она обнаружила существование целой системы, когда взяточничество среднего звена аппарата стимулируется не столько их стремлением увеличить свой доход, сколько действиями вышестоящего чиновника. В современных органах исполнительной власти Латвии

---

²⁸ *Karklins R. The System Made Me Do It: Corruption in the Post-communist Region. New York: M. E. Sharpe, 2005.*

эффективность чиновника определяется в меньшей степени его профессиональной пригодностью и в большей степени тем, сколько нелегального дохода он приносит своему начальнику.

Хотя данное исследование основывается на анализе огромного количества эмпирического материала, его рекомендации по сокращению коррупции в Латвии представляются недостаточными. Карклинс утверждает, что в основе успешной антикоррупционной политики лежит усиление государственных контролирующих структур, т. е. по сути усиление самой «системы». Вместе с тем целесообразным представляется ослабить «систему», т. е. исключить государственный контроль в ряде областей, что приведет к исчезновению коррупции в этих областях.

Американский политолог эстонского происхождения, кандидат в президенты Эстонии 1992 г. Рейн Таагепера также видит причины усиливающейся коррупции в странах Балтии в мировоззрении их жителей.²⁹ В основу своего исследования он положил систему координат, введенную одним из крупнейших теоретиков политической культуры Рональда Инглхарта.³⁰ По мнению последнего, политическую культуру любой страны можно охарактеризовать через два независимых параметра.

С одной стороны, это присущее данной политической культуре стремление рассматривать государство в традиционном контексте (государство было всегда) или в рациональном (государство создано людьми). С другой стороны, это свойственное данной политической культуре стремление отдавать предпочтение материальным выгодам или же свободе самовыражения.

По мнению Таагепера, в наименьшей степени возникновению коррупции способствует та политическая культура, где государство рассматривается в рациональном контексте, а свобода самовыражения превалирует над материальной выгодой в качестве стимула поведения. Именно такую позицию занимают страны Северной Европы, и именно поэтому там наблюдается самый низкий уровень коррупции.

Напротив, для россиян характерно восприятие государства в традиционалистском ключе, а материальные стимулы являются определяющими в их поведении. Такая политическая культура в наибольшей степени способствует возникновению коррупции. Политическая культура США схожа с российской в том смысле, что американцам также свойственно воспринимать государство в традиционалистском ключе.

²⁹ *Taagepera R. Baltic Values and Corruption in Comparative Context // Journal of Baltic Studies. 2002. Vol. XXXIII. N. 3 (Fall). P. 243–258.*

³⁰ *Inglehart R. Culture Shift in Advanced Industrial Society. Princeton: Princeton University Press, 1990.*

Этим Америка отличается от Европы: в Европе четырежды женатый Герхард Шредер смог дважды выиграть выборы и стать канцлером Германии, в то время как из президентов США только Рональд Рейган был женат дважды, да и то потому, что первая жена умерла задолго до его второго брака. В то же время политическая культура США значительно отличается от российской, поскольку свобода самовыражения является более значимым фактором при определении политического поведения американцев, нежели материальные стимулы. Соответственно в США наблюдается более низкий уровень коррупции, чем в России.

В политической культуре стран Балтии государство рассматривается в рационалистическом ключе, однако материальные стимулы поведения превалируют над всеми остальными. Причем политическая культура Литвы, по мнению Инглхарта, отличается от той, что сложилась в Латвии и Эстонии: если в последних рационалистическое восприятие государства является устоявшейся традицией, то ситуация в Литве из-за влияния католицизма в большей степени напоминает российскую.

Выводы Инглхарта о характере политической культуры стран Балтии дают основание Таагепера говорить о том, что эти страны «одной ногой шагнули в протестантскую Европу, а другой застряли в православных болотах».³¹ А потому коррупция в странах Балтии действует по тем же законам, что и в России, хотя ее роль в жизни общества все же не столь велика. С моей точки зрения, вывод о том, что причины коррупции в странах Балтии лежат в их политической культуре, наиболее пессимистичен, поскольку политическая культура является, по мнению Даниэля Белла, «историчной»,³² поддается изменениям с большим трудом, а соответственно борьба с коррупцией в этих государствах оказывается длительным и трудоемким процессом.

Наступление государства

Борьба с коррупцией в странах Балтии усложняется еще и тем, что в настоящее время здесь, как и в других государствах Европы, происходит беспрецедентное увеличение числа функций государства. Главная причина этого видится в уже упоминавшемся процессе секьюритизации, когда все большему числу аспектов общественной жизни придается окраска проблем национальной

³¹ *Taagepera R. Op. cit. P. 245.*

³² *Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социологического прогнозирования. М.: Академия, 1999. С. XCIX.*

безопасности, а соответственно они автоматически оказываются в сфере ведения государства. Вместе с тем следует назвать и другие причины роста числа этих функций.

Прежде всего росту функций государства в странах Балтии способствовало возникновение здесь на рубеже веков левого движения. В 1990-х гг. левое движение в национальных контекстах стран Балтии однозначно ассоциировалось с коммунизмом, а потому не было популярным. Эстонский политолог Эвальд Миккель охарактеризовал политическую систему своей страны как «птицу без левого крыла».³³ Так, социал-демократы и коммунисты, имевшие свои фракции в Верховном совете Эстонской ССР, не смогли повторить свой успех на выборах в рийгикогу 1992 г.

На выборах 1995 г. смогли пройти в рийгикогу левый Союз пенсионеров и семей, а также левые партии, представляющие интересы русскоязычного электората: Русская партия в Эстонии и Объединенная народная партия. Однако по результатам выборов 1999 г. лишь одна левая сила — Партия умеренных — смогла сформировать парламентскую фракцию. Возрождение левого движения в Эстонии началось в первой половине 2000-х гг. и неразрывно связано с именем бывшего министра иностранных дел Томаса Ильвеса.

Хотя стратегическими задачами эстонской внешней политики вплоть до 2004 г. были интеграция в Европейский союз и НАТО, различные политики постоянно пытались привнести в нее «третье измерение». Для сменившей Ильвеса на посту министра иностранных дел Кристины Оюланд в качестве «третьего измерения» рассматривалось усиление сотрудничества с Россией. Для Ильвеса же таким «третьим измерением» была более тесная интеграция с северными странами. Основные положения своей программы он изложил в знаменитой речи «Эстония как северная страна»,³⁴ однако ряд ее положений встречаются и в других его выступлениях.³⁵

В качестве неотъемлемого условия интеграции своей страны в сообщество стран Северной Европы, а в перспективе — и в Северный совет Ильвес рассматривал наличие в Эстонии Социал-демократической партии. В результате очередного правительственного кризиса он был вынужден уйти с поста министра иностранных дел, после чего занялся партийным строительством. Он возглавил Партию умерен-

³³ *Mikkel E.* 1999 aasta Riigikogu valimised ja kandidaadid // *Riigikogu valimised 1999* / Ed. By R. Toomla. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 1999. Lk. 84–133.

³⁴ *Ives T. H.* Estonia as a Nordic country // Speech by Toomas Hendrik Ives, Minister of Foreign Affairs, to the Swedish Institute for International Affairs. 1999. 14 December.

³⁵ *Ives T. H.* Eesti välispoliitika minevik, olevik ja tulevik (aulaloeng 30. Aprilli 1998.a. Tartu Ülikoolis). Tartu: Ülikooli Kirjastus, 1998.

ных и добился от съезда партии переименования ее в Эстонскую социал-демократическую партию. Привнесение более жесткой идеологической составляющей в программу партии принесло ей успех.

На парламентских выборах 2003 г. эта партия выступила наравне с либеральной Партией реформ и аграрным Крестьянским союзом, уступив лишь популистской партии «Республика» и традиционно популярной Центристской партии. Еще большего успеха эстонские социал-демократы добились на выборах в Европарламент 2004 г., когда они получили три из шести отведенных Эстонии мест в этом представительном органе Евросоюза. Социал-демократическая партия Латвии пока не может похвастаться подобными успехами на выборах.

Однако успех Партии труда на выборах в Литве позволяет говорить, что и у латвийских левых сохраняются шансы на победу. Хотя я характеризую литовскую Партию труда как популистскую, использование слова «труд» в названии победившей партии позволяет говорить о значительной популярности левых идей в литовском обществе (при этом с точки зрения программы Партию труда едва ли можно назвать левой).

Еще одной причиной роста числа функций центрального аппарата государства по сравнению с другими агентствами, оказывающими социально значимые услуги населению, можно считать особенности процесса децентрализации, который проходил в первой половине 1990-х гг. В самом деле, распад тоталитарного Советского Союза, который контролировал слишком многие аспекты общественных отношений, начиная от семейных и заканчивая отношениями на производстве, стал причиной стремления граждан стран Балтии, восстановивших в 1991 г. свою независимость, максимально ограничить сферу деятельности государства.

Вместе с тем требования децентрализации не обязательно были порождены наследием советской тоталитарной системы. Аналогичные требования возникли и в странах Северной Европы в 1970-е гг., где, с одной стороны, социал-демократический путь развития требовал производства все большего числа общественно значимых услуг, а с другой — приводил к возникновению громоздкого центрального государственного аппарата, неспособного адекватно реагировать на изменение спроса на подобные услуги со стороны населения.

Это противоречие потребовало от стран Северной Европы провести в 1970-х гг. массовую кампанию по децентрализации функций государства, участниками которой стали региональные власти и органы местного самоуправления, коммерческие предприятия и неправительственные организации, а также финансируемые государством независимые агентства, например университеты. Всем им

государство передавало часть своих функций с соответствующей материальной компенсацией, одновременно устранив участие в решении вопроса о том, какие именно общественно значимые услуги наиболее востребованы населением. Государство оставляло себе лишь функцию контроля за соблюдением законности.

Какое-то время такая система действовала достаточно эффективно. Однако экономические изменения, произошедшие в мире в начале 1990-х гг. в связи с распадом Советского Союза, затронули и внешне благополучные страны Северной Европы. Под влиянием незначительного, но все же важного кризиса в этих странах возникли значительные диспропорции в сфере предоставления общественно значимых услуг различным группам населения. Например, некоторые органы местного самоуправления сумели найти адекватное решение, а соответственно получили возможность производить более качественные и дешевые услуги. Другие же, напротив, утратили эффективность.

Ликвидация подобной диспропорции стала важной государственной задачей. Для ее решения была проведена централизация: часть государственных функций, в реализации которых государство ранее полагалось на органы местного самоуправления или негосударственные структуры, была возвращена госаппарату. Одновременно практически все страны Северной Европы попытались провести административную реформу, целью которой было сделать госаппарат более восприимчивым к изменениям спроса на общественно важные услуги; эта реформа прошла с неодинаковым успехом в разных странах, однако нигде ее задачи не были полностью реализованы.

Аналогично проходил процесс децентрализации, а затем обратной централизации ряда государственных функций в странах Балтии, с той лишь разницей, что децентрализация в этих странах проводилась более поспешно и поэтому имела более хаотичный характер, нежели в Северной Европе. Соответственно и многочисленные кризисы, которые обрушивались на Балтию в 1990-е гг., больше затрагивали экономику и общественный сектор этих стран, нежели кризис в Северной Европе первой половины 1990-х гг. При этом результат оказался однотипным: государство приобрело гораздо больше функций, нежели предполагали идеологи либерализации стран Балтии в начале 1990-х гг.

Еще один важный момент, связанный с расширением роли аппарата. В странах Балтии произошел рост числа функций исполнительной власти по сравнению с законодательной. В самом деле, по мере увеличения числа функций государства и роста их сложности большую часть законопроектов начали разрабатывать соответствующие подразделения правительства, а не парламентские

комитеты. В странах Северной Европы в недрах правительства разрабатывается до 99% всех принимаемых законопроектов; в странах Балтии этот процент также весьма значителен.

Однако на стадии разработки законопроекта роль исполнительной власти в процессе нормотворчества не заканчивается. Далее представители органов исполнительной власти принимают непосредственное участие в превращении законодательной инициативы в законопроект. Затем они же активно участвуют в работе согласительных комиссий при отсутствии консенсуса по данному законопроекту в органе представительной власти. Наконец, они же разрабатывают инструкции по претворению принятого закона в жизнь и они же следят за исполнением этих инструкций.

В условиях, когда между программами различных партий наблюдаются весьма незначительные различия по политическим ценностям, а дебаты в основном идут вокруг различий в оценках действительности (этот феномен в работе организаций подметил еще в 1970-е гг. Дж. Томпсон³⁶), органы исполнительной власти получают возможность еще более усилить свою роль в процессе принятия решений. Таким образом, исполнительную власть в странах Балтии можно сравнить с врачом, который в кризисной ситуации советует больному соглашаться на дорогостоящий курс лечения, причем у больного (с которым можно сравнить законодательную власть этих стран) отсутствует достаточная информация для того, чтобы определить, насколько такое лечение действительно необходимо.

В самом деле, сто (двести в случае Литвы) депутатов парламента той или иной страны Балтии не могут быть квалифицированными экспертами во всех функциях современного государства, исчисляющихся десятками тысяч. То, что «врачи» в современных странах Балтии являются весьма квалифицированными, не является достаточной гарантией от будущих ошибок, чреватых серьезными кризисами.

Наконец, возможность органов законодательной власти ограничить влияние в обществе власти исполнительной путем существенного сокращения числа ее функций наталкивается и на еще одно препятствие. Дело в том, что значительное увеличение функций государства привело к увеличению числа людей, занятых в государственном секторе, каждый из которых является избирателем. Вместе они составляют значительную долю электората. Соответственно любая партия, выступающая за резкое сокращение числа функций государства, а соответственно — за резкое сокращение

---

³⁶ *Thompson J. D. Organizations in Action. В настоящей работе используется перевод: Miten organisaatiot toimivat. Helsinki: Otava, 1974. S. 167.*

числа рабочих мест в государственном аппарате, отпугнет от себя электорат и едва ли сможет превратить свою политическую программу в конкретную политику.

Таким образом, в странах Балтии за последние пять лет произошло значительное увеличение числа функций государства с одновременной их концентрацией в руках центральных органов власти, а конкретно — в руках исполнительной власти. Нельзя не отметить, что подобная ситуация способствует росту коррупции. Однако в ней можно усмотреть и опасность для демократии в целом — ведь усиление исполнительной власти традиционно считается одной из наиболее значимых угроз.

Одновременно страны Балтии не смогли избежать и другой опасности, подстерегающей молодые демократии, — опасности популизма. К популистским проектам можно отнести и победу «Единства» на выборах в Государственную думу России 1999 г., и победу партии «Новое время» на выборах в латвийский сейм 2002 г., и победу партии «Республика» на выборах в рийгикогу 2003 г., и победу «Партии труда» на выборах в литовский сейм 2004 г. Здесь следует отметить, что политологическая литература трактует популизм в достаточно узком ключе.

Один из крупнейших теоретиков национализма Эрнст Геллнер рассматривает феномен популизма в привычном для себя контексте — в контексте национализма.³⁷ Однако в отличие от партий пришедших к власти в начале 1990-х гг. в странах Балтии (таких, как «Отечество» в Эстонии), вышеперечисленные партии едва ли можно отнести к националистическим. Партия «Новое время» финансировалась российскими компаниями, пытавшимися таким образом усилить свои позиции в Латвии. Эстонские республиканцы активно использовали плакаты на русском языке в ходе своей избирательной кампании и сумели привлечь на свою сторону значительное количество русскоязычных избирателей. Наконец, литовская «Партия труда» шла на выборы под руководством русскоязычного политика — Виктора Успасских.

Хуан Линц относит к популистским также и социалистические партии.³⁸ Этому критерию соответствует только литовская «Партия труда», по крайней мере по названию принадлежащая к социалистическому лагерю. Однако ни латвийская партия «Новое время», ни эстонская «Республика», пришедшие к власти под флагом борьбы с коррупцией, не включали в свои программы традиционных для левых партий лозунгов.

³⁷ Populism / Ionescu G., Gellner E. (eds.). London: Weidenfeld and Nicolson, 1969.

³⁸ The Breakdown of Democratic Regimes / Linz J., Stepan A. (eds.). Baltimore: John Hopkins University Press, 1978.

Скорее эти партии можно сравнить с российским «Единством», которое активно использовало в ходе избирательной кампании популярный среди консервативной части российского общества тезис о «сильной руке» или, как пишет петербургский философ Алексей Карцов, об «элитном меньшинстве, ответственном за надежность управления». ³⁹ Для подтверждения обоснованности данного сравнения можно напомнить, что избирательная кампания эстонских республиканцев проходила под лозунгом «Выбирай порядок!»

Литература по проблематике популизма в основном была опубликована до начала так называемой третьей волны демократизации. Она не рассматривает тенденций, наблюдающихся в настоящее время в различных государствах Центральной и Восточной Европы, Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, Африки и Латинской Америки. Несмотря на значительные различия в политических системах этих стран, там на протяжении последнего десятилетия часто можно было наблюдать победу на парламентских выборах партий и движений, сформированных буквально за несколько месяцев до выборов.

На мой взгляд, анализ современного популизма открывает новые возможности для исследователей, работающих в «проблемном поле» демократии. Во-первых, они позволяют сформулировать более широкое определение популизма и выделить индикаторы, дающие основание относить то или иное политическое движение к популистским. Во-вторых, представляется необходимым ответить на вопрос, каким образом информационное общество оказывает влияние на рост значимости популистских движений для политического процесса. Наконец, в-третьих, открывается возможность переосмыслить последствия прихода к власти популистских движений, проверить гипотезу о том, что популизм несет в себе угрозу для демократии.

Вышеперечисленные политические партии в странах Балтии и в России автор относит к популистским, основываясь в первую очередь на анализе их историй. Все они были созданы примерно за год до триумфальных для них выборов, и личная популярность лидеров партии сыграла важнейшую роль в их победе. Победа эстонских и латвийских популистов не оказалась долгосрочной. Правительство Эйнарса Репше, лидера латвийских популистов, продержалось чуть более года. Эстонские социал-демократы нанесли серьезнейший удар партии «Республика» через год после ее победы на выборах: ни один из республиканцев не прошел в Европейский парламент на выборах

³⁹ Карцов А. С. Русский консерватизм как интеллектуальная традиция / Консерватизм и либерализм: история и современные концепции / Под ред. А. С. Карцова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. С. 51.

2004 г. А в 2005 г. вынуждено было уйти в отставку и правительство, возглавляемое лидером республиканцев Юханом Партсом.

Не вызывает сомнений и краткосрочность политического триумфа Виктора Успаских, лидера литовской «Партии труда»,⁴⁰ хотя точность этого прогноза можно будет проверить лишь в 2008 г. В отличие от балтийских популистов лишь режим Владимира Путина, усиленный лояльностью парламентских фракций «Единства», а затем «Единой России», остается до сих пор стабильным.

Средства массовой информации стран Балтии видят причину столь долгого нахождения у власти режима Путина в том, что хотя он пришел к власти демократическим путем на волне популизма, впоследствии этот режим трансформировался в авторитарный.⁴¹ В этой главе, посвященной процессам модернизации и демократизации в странах Балтии, не представляется необходимым комментировать подобные заявления. Вместе с тем если признать правоту балтийской прессы, то можно говорить и о существовании угрозы демократии в самих странах Балтии, где популистские партии имеют не меньше шансов на успех, чем в России.

Таким образом, в современных странах Балтии можно выделить три взаимосвязанные угрозы процессу демократизации. Во-первых, рост коррупции, чему способствуют как причины экономического свойства, так и факторы, лежащие в плоскости политической культуры этих стран. Во-вторых, усиление исполнительной власти по сравнению с законодательной. Наконец, в-третьих, все большая популярность популистских партий.

Представляется, что политики стран Балтии поспешили заявить об успешном завершении процесса демократизации в конце 1990-х гг., т. е. через восемь лет после его начала. По мнению М. Бернарда, К. Ринока и Т. Нордстрема,⁴² восемь лет являются критическим сроком, когда завершается так называемый «медовый месяц» молодых демократий, и экономические трудности могут привести к разочарованию граждан в демократических преобразованиях и как следствие к возврату диктатуры. Разумеется, я далек от того, чтобы предсказывать сползание стран Балтии к диктатуре в обозримом будущем. Вместе с тем угрозы демократизации потребуют от стран Балтии огромного терпения и значительных усилий для их преодоления.

⁴⁰ Ланко Д. А. Виктор Успаских — премьер на час? // Дело. 2004. 18 октября.

⁴¹ Postimees. 2005. 26. Aprilli.

⁴² Bernhard M., Reenok C., Nordstrom T. Economic Performance and Survival in New Democracies: Is There a Honeymoon Effect? // Comparative Political Studies. 2003. Vol. 36. N. 4. P. 404–431.

3.3. Экономическая модернизация стран Балтии

«Северный Гонконг» и «Северная Швейцария»

Поражение Советского Союза в экономическом соревновании с Западом принято рассматривать в качестве одной из основных причин его распада. Утверждается, что важнейшим аргументом для многочисленных сторонников распада СССР стали те самые гипотетические «сотни сортов колбасы», которые якобы можно обнаружить на прилавках капиталистических стран и которые отсутствовали в советских магазинах. Предполагалось, что отказ от «руководящей и направляющей» роли Коммунистической партии непосредственно приведет к появлению этой самой колбасы.

Демократизацию Восточной Европы иногда называют «победой видеомангитофона» (хотя Фрэнсис Фукуяма называет победу либеральной демократии в странах Восточной Азии «победой видеомангитофона» в несколько ином контексте⁴³) в той же мере, что и «победой колбасы». Для жителей Советского Союза видеомангитфон, как и колбаса и многие другие потребительские товары, являлся символом рыночной экономики. Вопрос о том, что у значительной по численности группы населения при этом будут отсутствовать деньги для приобретения не только видеомангитфонов, но даже колбасы, вообще не поднимался.

Действительно, надежда на улучшение экономических показателей в результате перехода к рыночной экономике не может не рассматриваться в качестве аспекта модернизации стран Балтии в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Причем эта надежда присутствовала не только на массовом уровне, но и на уровне элит тогда еще Прибалтийских Советских Социалистических Республик. Например, когда на определенном этапе перестройки был провозглашен перевод экономики на самоуправление, самоокупаемость и самофинансирование, этот процесс коснулся не только отдельных крупных предприятий, но и целых регионов страны, в частности Прибалтики.

В Эстонии, например, была разработана программа «Самостоятельно хозяйствующая Эстония»,⁴⁴ причем оптимизм ее разработчиков был заложен в самом названии проекта. По эстонски он назывался «Isemaajandav Eesti» — сокращенно «IME», что в перево-

⁴³ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: «Издательство АСТ», 2004. С. 162.

⁴⁴ Подробнее о судьбе этой программы см.: Лаар М., Валк Х., Вахтре Л. Указ. соч. С. 222–223.

де с эстонского означает «чудо». Стремление к экономической самостоятельности, а впоследствии — и к полному государственному суверенитету в странах Балтии неразрывно связывалось с ожиданием «балтийского экономического чуда», аналогичного германскому или японскому.

Об ожидании «чуда» говорили и макроэкономические проекты развития стран Балтии, разработанные в первые годы независимости: например, Эстония объявила о планах превращения страны в «северный Гонконг» с его крайне либеральным экономическим и внешнеторговым режимом. О перспективах возвращения Гонконга в состав Китайской Народной Республики тогда никто как-то не задумывался. Аналогично Латвия провозгласила себя «северной Швейцарией», отдавая приоритет в экономическом развитии страны банковской сфере. Однако и ее амбициозным планам не суждено было сбыться.

Но в то же время помимо оптимистов, надеявшихся на быстрый экономический рост при переходе к рыночной экономике, в странах Балтии было и немало скептиков. Их ряды начали быстро пополняться после первых же экономических неудач. Как ни странно, оптимистов подвела советская пропаганда. На протяжении сорока лет всем народам СССР, в том числе эстонцам, латышам и литовцам, советская пропаганда последовательно и успешно разъясняла, что советский народ является самым лучшим в мире: самым политически грамотным, самым экономически эффективным и обладающим самой богатой культурой.

При этом жители стран Балтии, не отрицая данного тезиса советских пропагандистов, одновременно имели возможность самостоятельно убедиться во время своих поездок по «шестой части суши», что среди всех народов СССР самыми экономически эффективными являются именно прибалтийские народы. Известный анекдот брежневской эпохи о том, «когда же наконец в Калуге будут жить так же, как в Риге», подтверждает, что экономическая эффективность прибалтийских республик не отрицалась и представителями других советских народов.

В сочетании с вышеупомянутым тезисом советских пропагандистов данный тезис неизбежно приводил к выводу, что по крайней мере в экономическом плане прибалтийские народы являются лучшими из лучших. Именно поэтому первые неудачи стран Балтии на экономическом фронте сразу после восстановления независимости были так болезненно восприняты оптимистами рыночного хозяйства, многие из которых незамедлительно переметнулись в лагерь пес-

симистов.⁴⁵ Впрочем, это не отразилось на отношении подавляющего большинства жителей стран Балтии к собственной независимости.

Объяснить последний феномен позволяют два фактора.

Во-первых, жители стран Балтии видели, что в России экономика после распада СССР оказалась даже в более тяжелом состоянии, чем у них. Причем этот тезис был одинаково распространен как среди собственно прибалтийского, так и среди русскоязычного населения этих стран. Несмотря на крайне критичное отношение к собственным странам, русскоязычные сумели быстро убедить себя в том, что они живут «на Западе», и одновременно «поставили под сомнение» способность их «соотечественников» в России чистить зубы по утрам.

Это стало одним из основных факторов того, что массовая эмиграция представителей русскоязычного населения стран Балтии в Россию, имевшая место в начале 1990-х гг., к 1995 г. практически сошла на нет. Молодые представители русскоязычного населения Латвии и Эстонии во второй половине 1990-х гг. отдали предпочтение изучению английского и немецкого языков, а не государственных языков своей страны. Они же выступили за скорейшее присоединение своих стран к Европейскому союзу, что позволило бы им (ведь критическое отношение к собственным странам и представителям «титულных национальностей» сохранялось) беспрепятственно уехать на Запад.

Во-вторых, рыночные пессимисты «титулной национальности» с самого начала не рассматривали экономический успех во взаимосвязи с национальной независимостью. Скорее независимость для них была самоцелью, достижение которой было необходимо любой ценой, в том числе за счет снижения уровня жизни населения и темпов экономического развития. Тем более что перспектива такого снижения являлась одним из главных аргументов идеологов интердвижения, выступавших за сохранение прибалтийских республик в составе СССР.

Последние указывали на промышленные предприятия и другие хозяйственные объекты, построенные в Прибалтике за годы советской власти, и утверждали, что экономика этих республик рухнет в одночасье, если восточные рынки окажутся для нее закрытыми. Следует отметить, что в России данный аргумент не потерял актуальности и до сих пор.

⁴⁵ Эту идею предложил автору в 1996 г. доцент Тартуского университета Рейн Томла, ныне заведующий отделением политологии этого университета. Некоторые его работы были процитированы автором в предыдущих главах. Автор ни в коем случае не стремится присвоить себе авторство этой идеи, хотя и возлагает на себя ответственность за все выводы и оценки, содержащиеся в данной работе.

Так, в 2003 г. председатель Контрольно-счетной палаты Сергей Степашин, указывая на те же самые предприятия (из которых многие к тому времени уже обанкротились, а их производственные площади использовались новыми, более конкурентоспособными фирмами), заявил, что отнюдь не вложившая деньги в строительство заводов Россия должна теперь выплачивать странам Балтии компенсацию за годы оккупации. Напротив, страны Балтии якобы должны выплатить России компенсацию за собственную индустриализацию, проведенную в советские годы. Правая пресса стран Балтии не замедлила ответить на это требование предложением отдать требуемую «компенсацию» представителями русскоязычного населения, поскольку быстрорастущая российская экономика испытывала, как три года назад, так и сейчас, недостаток рабочей силы.

Естественно, и заявление Степашина, и ответ балтийских правых можно рассматривать исключительно как идеологическое противостояние, за которым не стоит конкретных политических шагов, однако заявление Степашина, на мой взгляд, свидетельствует об идейном кризисе в российском руководстве.

В начале же 1990-х гг. рыночные пессимисты в странах Балтии отвечали идеологам Интердвижения, что они «скорее будут питаться картофельными очистками, чем жить в Советском Союзе». Во всяком случае, легенда гласит, что именно так заявил один из лидеров движения за независимость Эстонии, хотя за давностью лет мало кто уже помнит, кому именно принадлежит это высказывание. Как показал ход экономического развития стран Балтии, за последующие пятнадцать лет, питаться картофельными очистками их жителям все-таки не пришлось. В настоящее время эта легенда легла в основу маркетинговой стратегии некоторых эстонских ресторанов, которые подают запеченные картофельные очистки как «блюдо независимости».

Таким образом, хотя экономическую модернизацию в странах Балтии и можно назвать завершившейся (принятие в Европейский союз является, на мой взгляд, достаточным доказательством того, что экономики этих стран соответствуют западноевропейским критериям), данный процесс не привнес в лексикон экономистов словосочетания «балтийское чудо».

В начале 1990-х гг. некоторые лидеры стран Балтии, например нынешний президент Эстонии, бывший лидер Аграрной партии Арнольд Рюйтель, предложили вновь опереться на сельское хозяйство, которое в 1920–1930-е гг. было основой экономического роста этих стран. Однако и оно в условиях европейской интеграции оказалось неконкурентоспособным. Причем эта неконкурентоспособность проявилась как по сравнению с южными странами

Европы — Францией и Испанией — с их климатическими преимуществами, так и по сравнению с северным соседом стран Балтии — Финляндией. Агропромышленные гиганты этой страны, например «Валио», активно приняли участие в приватизации слабого агропромышленного сектора Балтийских государств. Аналогично многие из крупных промышленных предприятий этих стран, как и предсказывали идеологи Интердвижения, также обанкротились.

Государство-слуга

Для стран Балтии не оставалось иного выхода, кроме как опереться в своем экономическом развитии на сектор услуг. До второй половины 1990-х гг. в там однозначно доминировали услуги по транзиту сырья из России в Западную Европу. За последние десять лет сектор услуг в странах Балтии стал более диверсифицированным: балтийские столицы создали развитую инфраструктуру для привлечения штаб-квартир региональных представительств транснациональных корпораций, активно развивается сектор информационных услуг.

Параллельно развивался и сектор общественных услуг, предоставляемых государством. Фактически к настоящему времени политическая система стран Балтии начала в большей мере напоминать «государство-слугу» в политологических терминах, практически отказавшись от роли «государства — ночного сторожа». Функции обеспечения безопасности на внешних фронтах практически полностью отошли к более мощным в военном плане партнерам стран Балтии по НАТО, внутренняя же безопасность была «приватизирована» многочисленными охранными предприятиями.

В анализе экономической модернизации стран Балтии представляется важным рассмотреть четыре аспекта. Во-первых, роль экономической глобализации и европейской интеграции в данном процессе. Во-вторых, роль российского транзита в их экономике, которая наиболее очевидно проявлялась в первой половине 1990-х гг. В-третьих, усиление роли государства в экономике. Наконец, в-четвертых, становление в странах Балтии информационной экономики. Вместе с тем данный анализ был бы неполным, если бы его не предварял краткий очерк о ходе приватизации в этих странах.

Процесс приватизации в странах Центральной и Восточной Европы осложнялся законом о реституции, т. е. о возврате недвижимой собственности, как коммерческой, так и жилой, бывшим владельцам и их наследникам. Для стран Балтии реституция как неотъемлемая часть экономической политики стала логическим

продолжением общего политического курса этих стран, в основе которого было заложено понятие о восстановлении политической и экономической системы, существовавшей до 1940 г.

Следует отметить, что не только для стран Балтии было характерно превалирование политических обоснований приватизации над экономическими. В России также массовая приватизация первой половины 1990-х гг. проводилась не на основе законов, а на основе президентских указов, что было обусловлено политической необходимостью проведения приватизации в кратчайшие сроки. О политических основаниях приватизации в Латвии пишет, в частности, финский исследователь Матти Ниссинен.⁴⁶ Таким образом, с экономической точки зрения выбранные модели приватизации имели ряд недостатков. Имела такие недостатки и принятая в странах Балтии модель реституции.

Во-первых, реституция в жилом секторе способствовала усилению социальной напряженности, поскольку арендаторы квартир в зданиях, подпавших под закон о реституции, не всегда могли договориться с новым/старым хозяином о приемлемых условиях аренды и были вынуждены оставить свою жилую площадь. Во-вторых, реституция в коммерческом секторе препятствовала скорейшей приватизации, поскольку здания, подпавшие под закон о реституции, но еще не возвращенные прежнему владельцу или его потомкам, не могли быть приватизированы третьими лицами или компаниями.

Именно поэтому в Эстонии в 1990 г. лишь правящая партия Эдгара Сависаара выступала за безоговорочную реституцию, в то время как социал-демократы и консерваторы увязывали реституцию коммерческого сектора с инвестиционными обязательствами бывшего владельца, а коммунисты и партия «Свободная Эстония» вообще относились к реституции крайне негативно.⁴⁷ И хотя на парламентских выборах 1995 г. бывшие противники реституции уже не играли значительной роли, можно утверждать, что на протяжении первой половины 1990-х гг. их опасения во многом сбылись.

Так, когда летом 1995 г. я впервые после распада Советского Союза приехал в Таллинн, то большое впечатление производили крыши старого города (в котором практически все здания подпали под закон о реституции): половина их была покрыта новой черепицей, в то время как на второй половине зданий крыши находились в весьма плачевном состоянии. Это и были здания, еще не нашедшие прежних владельцев.

⁴⁶ *Nissinen M.* Latvia's Transition to a Market Economy: Political Determinants of Economic Reform Policy. Hampshire & London: McMillan, 1999.

⁴⁷ *Erinevate Eesti poliitiliste jõudude seisukohad omandireformi ja privatiseerimise küsimuses // Privatiseerimine (erastamine) ja omandusreform: IME-bülletään. 1990. N. 12. Lk. 82–82.*

В качестве средства преодоления негативных последствий реституции для социальной сферы и экономики Балтийских стран некоторые исследователи называют акционерную приватизацию по той модели, по которой она была реализована в России: когда акции предприятия распределяются бесплатно между его работниками. В частности, Эрик Терк называет разрешение реституционных конфликтов наряду с увеличением числа собственников, ограничением спроса в условиях инфляции, отсутствием необходимости точной оценки стоимости предприятия и ускорением приватизации в качестве позитивных аспектов акционерной приватизации.⁴⁸ Но при этом он называет также значительное количество негативных аспектов акционерной приватизации: отсутствие притока нового капитала, резкое снижение цены распределяемых акций, административные ограничения на операции с акциями, рост инфляции, отсутствие стратегических инвесторов, а также снижение инвестиционной привлекательности страны в целом.

Таким образом, если в области приватизации малого бизнеса модель, объединяющая реституцию и акционерную приватизацию, являлась общей для всех трех стран Балтии, Польши и Восточной Германии, то в области приватизации крупного бизнеса модели, принятые в разных посткоммунистических странах Балтийского региона, существенным образом отличались.

В чистом виде здесь можно выделить две модели. Во-первых, это акционерная приватизация (с участием в ней широкого круга граждан) не только малого, но и крупного бизнеса: по этому пути из стран Центральной и Восточной Европы пошли, например, Чехия, Литва и Россия. Во-вторых, это модель поиска стратегического инвестора, способного выкупить предприятие целиком за живые деньги. В первую очередь под стратегическим инвестором сторонниками этой модели подразумевался иностранный инвестор, поскольку в посткоммунистических странах в начале 1990-х гг. просто не существовало предприятий, способных за деньги приватизировать крупные объекты государственной собственности. По этому пути пошли Эстония, Венгрия и Восточная Германия. В последней решающим аргументом в пользу такой модели стала позиция западногерманского бизнеса, готового активно инвестировать средства в промышленность Восточной Германии.

Для Эстонии в качестве основных стратегических инвесторов в первой половине 1990-х гг. выступили финские предприятия. Евро-

---

⁴⁸ *Terk E. Erastamine Eestis: ideoloogia, läbiviimine, tulemused.* Tallinn: Eesti tulevikuuringute instituut, 1999. Lk. 34.

пейские экономисты традиционно рассматривают эстонскую модель в качестве более эффективной по сравнению с литовской. Так, в докладе Дойче-банка 1996 г. Эстония была названа образцовой среди стран Балтии в сфере приватизации.⁴⁹ В самом деле, по большинству экономических показателей Эстония в настоящее время опережает Литву. Более того, хотя обычно акционерная приватизация проходит в более короткие сроки, чем поиск стратегических инвесторов, приватизация в Эстонии завершилась в более сжатые сроки, чем в Литве.

Во всяком случае, в 1999 г., характеризуя программы эстонских политических партий, политолог Рейн Тоомла не рассматривал отношение к приватизации как важную характеристику партийных программ.⁵⁰ Это позволило Эрику Терку заявить о том, что термин «массовая приватизация», обычно используемый в отношении акционерной модели приватизации, не является вполне корректным: в Эстонии приватизация за деньги смогла также стать массовой.⁵¹ Вместе с тем результаты приватизации в странах Балтии, в том числе в Эстонии, нельзя назвать однозначными ни с точки зрения избранного пути, ни с точки зрения успеха.

С одной стороны, эстонская модель приватизации показала свою эффективность и в других странах Балтийского региона, например в Восточной Германии. Аналогично литовская модель приватизации продемонстрировала свою низкую эффективность, например в России. С другой стороны, нельзя забывать и о том, что за пределами Балтийского региона, например в Чехии, литовская модель приватизации дала превосходные результаты. Представляется, что выбор той или иной модели приватизации зависит от наличия или отсутствия потенциальных крупных иностранных инвесторов для той или иной страны.

И если в случае Эстонии финские компании были готовы активно инвестировать в экономику страны, то для России такого стратегического инвестора в первой половине 1990-х гг. не нашлось. Аналогично нельзя однозначно говорить, что выбор эстонской модели приватизации позволяет избежать возникновения в стране так называемого второго типа буржуазного национализма (в категориях Рональда Чилкотта).⁵² Этот тип национализма ха-

⁴⁹ Estonia: among the Most Successful Transformation Countries. Focus — Eastern Europe: Deutsche Bank Research Series. 1996. N. 163, September 24.

⁵⁰ Toomla R. Eesti erakonnad. Tallinn: Eesti Entsüklopeediakirjastus, 1999. Lk. 297–321.

⁵¹ Terk E. Erastamine Eestis: ideoloogia, läbiviimine, tulemused. Tallinn: Eesti tulevikuuuringute instituut, 1999. Lk. 171.

⁵² Чилкотт Р. Теории сравнительной политологии: в поисках парадигмы. М.: ИНФРА-М, Весь мир, 2001. С. 312–313.

рактируется требованиями ужесточать протекционистские меры с целью поддержки «отечественного производителя» и устанавливать барьеры для прихода в экономику страны иностранных инвесторов с целью избежать «распродажи Родины».

Даже на северо-западе России, где такая форма национализма в настоящее время действительно имеет место, она сформировалась не в результате приватизации по акционерной модели, а гораздо позже. Вплоть до 1999 г. здесь доминировал буржуазный национализм первого типа, который можно упрощенно охарактеризовать распространенной фразой: «Если они нам не помогут, то и мы никого не пощадим». Даже в месяцы после финансового кризиса 1998 г. население северо-запада России возлагало надежды по выходу из кризиса на очередной заем МВФ, а не на «отечественного товаропроизводителя».

В странах Балтии можно обнаружить лишь незначительные признаки буржуазного национализма второго типа в отношении западных инвесторов. Так, опрос, проведенный мной совместно с профессором Тартуского университета Кайдо Яансоном и студенткой Еленой Фофановой среди студентов восьми кафедр Тартуского университета в области социальных и гуманитарных наук в мае 2002 г. на основе репрезентативной выборки по признаку возраста, половой принадлежности и родного языка, показал, что лишь 7% тартуских студентов выступают за ограничения для иностранных инвестиций.⁵³

Однако такой тип национализма проявлялся в полной мере в отношении российских инвесторов. Причем его проявления можно найти в равной мере в экономической политике как Эстонии, так и Литвы, несмотря на то, что эти страны выбрали различные модели приватизации. Здесь следует отметить, что распространение в 1990-х гг. в странах Балтии такого типа национализма в отношении российских инвесторов было связано не только с пережитками «холодной войны», но также с соревнованием между странами Центральной и Восточной Европы за скорейшее окончание переходного периода. В отношениях между тремя странами Балтии это вылилось в соревнование за скорейшее принятие их в Европейский союз и НАТО.

Барьеры, устанавливаемые в странах Балтии в 1990-е гг. для продвижения туда российских инвестиций, можно также рассмат-

⁵³ Для сравнения, аналогичный опрос среди студентов Санкт-Петербургского университета выявил наличие 12% сторонников протекционистских мер в инвестиционной сфере. Гораздо больше сторонников протекционизма встречается среди студентов периферийных вузов обеих стран: аналогичный опрос в Нарвском колледже Тартуского университета и факультете политологии Петрозаводского университета выявил наличие 28 и 27% протекционистов соответственно. Данные опроса находятся в архиве автора.

ривать в качестве элемента такого соревнования, на этот раз — между странами Балтии и России. О том, что понятие о таком соревновании присутствовало в политических дискурсах стран Балтии, говорит, в частности, вопрос, однажды заданный в ходе встречи с гражданами первому президенту Эстонии Л. Мери: «Правда ли, что когда Эстония вступит в НАТО, то Россия будет уже там?»⁵⁴

Наличие подобных барьеров послужило одним из основных препятствий для завершения процесса приватизации в странах Балтии еще в 1990-е гг.: ведь если практически полная приватизация сельского хозяйства, промышленности и части сферы услуг была здесь весьма успешной, то приватизация инфраструктуры замедлилась, что было связано с рядом моментов.

Во-первых, некоторые иностранные инвесторы оказались недобросовестными: хрестоматийным случаем здесь стало невыполнение американской компанией *NRG* своих обещаний по инвестированию в эстонский энергетический сектор, которые она дала на этапе участия в инвестиционных аукционах.

Во-вторых, приватизация отдельных объектов инфраструктуры стала причиной социальной нестабильности. Например, приватизация Южно-Эстонской железной дороги вызвала массовые протесты населения, когда стратегический инвестор — британская компания — принял решение закрыть убыточные пассажирские рейсы. Весной 1997 г. я лично участвовал в студенческой демонстрации в Тарту, организованной по причине отмены студенческих льгот на проезд в междугородних автобусах рядом транспортных компаний.

В-третьих, российские инвесторы в 1990-х гг. оказались исключенными из процесса приватизации инфраструктуры в странах Балтии.

Несмотря на незаконченную приватизацию в сфере инфраструктуры, в первой половине 2000-х гг. массовая приватизация в странах Балтии была объявлена завершенной и хозяйственные субъекты включились в процессы экономической глобализации. Глобализация способствует росту как прибылей, так и рисков, связанных с экономическими предприятиями. И страны Балтии оказались явными победителями в этой гонке, сумев получить максимально возможную прибыль.

Огурец как эстонский фрукт

Уже стало общим местом писать о том, что экономическая глобализация существовала еще в конце XIX в. Но подобные за-

⁵⁴ На это Л. Мери ответил: «Когда полетели на Луну, то луноход был уже там. Ну и что?» См.: *Meie Lennart: President Lennart Meri anekdootides, tõsilugudes ja pajastustes* / P. Erelt ja T. Vahter (koost.). Tallinn: Tänapäev, 2000. Lk. 78.

явления продолжают появляться в многочисленных работах отечественных и зарубежных исследователей, работающих в данной сфере. Скорее всего, стремление подчеркнуть более чем столетнюю историю глобализации присуще тем ее сторонникам, которые пытаются доказать, что она является объективным процессом и уклоняться от участия в ней контрпродуктивно.

В самом деле, некоторые социологи истории отмечают, что понятия «предсуществующий» и «внеположенный» воспринимаются как синонимы в мировоззрении современного западного человека.⁵⁵ Причем основу такому восприятию положили еще древнегреческие философы, отделив понятия — идеи, «эйдосы» и т. д. — от существующих лишь в данный момент природных явлений. Таким образом, достаточно доказать, что то или иное понятие имеет давнюю историю, т. е. является «предсуществующим», чтобы оно заняло прочное место в мировоззрении людей как «внеположенное».

Примеров подобных «доказательств» можно найти великое множество в политических дискурсах на постсоветском пространстве. Националисты как в России, так и в странах Балтии пытаются найти доказательства «древности» своих наций (хотя теоретики национализма, например Бенедикт Андерсон,⁵⁶ достаточно убедительно доказывают возникновение национализма лишь в Новое время), дабы оправдать свои территориальные претензии. Противники демократизации в России утверждают, что в стране никогда не было демократических традиций (и соответственно этот процесс не может быть быстрым), забывая, что и в Северной Америке в XVIII в. не существовало демократических традиций.

Сторонники геополитического подхода, которых немало в странах Балтии, настаивают на неизбежности новой агрессии со стороны России, потому что «так было всегда» и «это обусловлено географическим положением». Адепты построения «вертикали власти» в международных отношениях, причем не только отечественные, заявляют, что государства играли важнейшую роль в международных отношениях начиная с середины XVII в. (современная система международных отношений называется ими «вестфальской»), а некоторые из них даже относят возникновение «вестфальской системы» к периоду Столетней войны.

Аналогичные попытки предпринимаются и в отношении глобализации. В самом деле, экономическая взаимозависимость меж-

⁵⁵ См., например: *Савельева И. М., Полетаев А. В.* Социология знания о прошлом. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2005. С. 32.

⁵⁶ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2001.

ду государствами, основанная в первую очередь на международной торговле, существовала еще в конце XIX в. Публицистам того времени представлялось даже, будто уровень взаимозависимости настолько высок, что исключает возможность начала крупной войны в Европе. Так оно и было на самом деле. Однако это не только не предотвратило, а, напротив, явилось одной из причин крупнейших трагедий XX в. — двух мировых войн, которые с полным основанием можно называть и «глобальными войнами», поскольку одной из причин их превращения в мировые стала именно экономическая взаимозависимость. Возможность глобализации конфликтов была в очередной раз доказана в начале XXI в., когда одним из важнейших аспектов американской внешней политики стала организация «глобальной войны с терроризмом».

Однако к подобным выводам о роли глобализации исследователи приходят лишь в настоящее время, тогда как после окончания Первой мировой войны, убедившись в неспособности глобализации предотвратить крупные международные конфликты, Европа на долгие годы исключила это слово из своего лексикона. Вновь о нем вспомнили уже в Америке в первой половине 1970-х гг., когда нефтяное эмбарго арабских государств, введенное в ответ на поддержку Западом войны Израиля против Египта, заставило каждого американца и многих западноевропейцев в полной мере ощутить зависимость их уровня жизни от войны, ведущейся на другой стороне Земли.

Стоит заметить, что здесь я пишу «многих западноевропейцев», поскольку жители Финляндии, которая покупала нефть не у стран Персидского залива, а у Советского Союза, практически не ощутили влияния экономического кризиса первой половины 1970-х гг. Немаловажна также и роль, которую этот кризис сыграл в процессе восстановления независимости стран Балтии, хотя в самих этих странах он практически не упоминается в подобном контексте. Именно в 1970-х гг. Запад, напуганный арабским нефтяным эмбарго, открыл свои рынки для советской нефти, в результате чего у СССР появились первые доллары.

На них Советский Союз начал закупать у Запада сначала предметы роскоши (те же видеомэгафоны), а затем и канадскую пшеницу, что и привело к его вовлечению в экономическое соревнование с Западом, а затем к проигрышу в этом соревновании и к распаду. Кроме того, кризис 1970-х гг. привел к пересмотру многих теоретических концепций в международных экономических отношениях, начиная с неомарксистской мир-системной теории Иммануила Валлерстайна и заканчивая возрождением теории

глобализации. Тогда же такими авторами, как, например, Джеймс Розенау⁵⁷ было дополнено понятие взаимозависимости.

Теперь взаимозависимость, основанная на интенсивной международной торговле, отошла на второй план, а вперед вышли другие аспекты взаимозависимости: технологические и этические, а также децентрализация и стандартизация. Под технологическими аспектами в данном случае понимается неспособность инвесторов из одной только страны, даже такой экономически мощной, как США, реализовать сложные в технологическом плане проекты: в 1970-х гг. в качестве таковых рассматривалась добыча полезных ископаемых с океанского дна, а в настоящее время — международная космическая станция.

Этот аспект имеет значение и в странах Балтии, где крупные проекты в области развития инфраструктуры требуют привлечения иностранных инвесторов, в том числе и российских. При этом удивительно, что инвестиции предприятий из России и стран СНГ в первую очередь работают в сфере транзита. Так, в 2005 г. вступил в строй новый угольный терминал в Таллиннском порту, построенный *Muuga Coal Terminal Operator* — дочерней компанией российского предприятия «Кузбассразрезуголь». Экспортные предприятия Казахстана, специализирующиеся на торговле зерновыми, являются важнейшими инвесторами латвийской компании *Ventspils Grain Terminal*, чей терминал по отгрузке зерна открылся в Вентспилском порту также в 2005 г.

Под этическим аспектом взаимозависимости понимается постоянно снижающаяся способность государств оправдывать свои односторонние шаги в глазах мирового сообщества. Во многом коалиции из значительного числа государств, создающиеся в настоящее время, служат именно делу оправдания. В самом деле, едва ли можно предположить, что США уговорили страны Балтии — своих партнеров по НАТО — принять участие в коалиции государств, ведущих войну в Ираке, поскольку без поддержки эстонской, латвийской и литовской рот выиграть иракскую войну представлялось невозможным. Однако в плане оправдания иракской войны в глазах жителей многих стран мира участие Балтии сыграло определенную роль.

Этический аспект взаимозависимости становится важным и в экономических проектах. В качестве примера здесь можно упомянуть проект строительства Североевропейского трубопровода из России в Германию по дну Балтийского моря, который подавался

---

⁵⁷ Rosenau J. N. Capabilities and Control in an Interdependent World // International Security. 1976. Vol. 1. N 2 (autumn). P. 32–49.

многими средствами массовой информации как один из результатов «дружбы» российского президента Владимира Путина и германского канцлера Герхарда Шредера. Сразу после заключения соглашения о строительстве трубопровода Польша и страны Балтии выступили с критическими замечаниями в отношении проекта.

При этом приводились как этические («Германия как член ЕС не может принимать односторонних решений»), так и экономические и даже экологические доводы против его реализации. Вместе с тем в финансировании проекта вполне могли бы принять участие компании этих стран (в том числе дочерние компании российских и немецких корпораций), а в его реализации — подрядчики из стран Балтии и Польши. При таком подходе эти фирмы приложили бы значительные усилия для лоббирования собственных интересов в органах власти своих стран и кампания против строительства трубопровода была бы сведена на нет.

Под децентрализацией взаимозависимости понимается рост числа неправительственных участников международных отношений, как компаний, так и некоммерческих организаций. Следует привести несколько примеров деятельности неправительственных организаций.

Наиболее ярким российским примером здесь является Совет по внешней и оборонной политике — одна из наиболее влиятельных российских неправительственных организаций в сфере внешней политики в 1990-х гг. В главе «Демократизация стран Балтии» уже говорилось, что СВОП уделял странам Балтии непропорционально большое по сравнению с их ролью в мировой политике внимание. При этом в докладах СВОП «Россия и Прибалтика I» и «Россия и Прибалтика II» проблемам транзита уделялось значительное внимание — регулирование транзита российского сырья через территорию стран Балтии рассматривалось как мощное внешнеполитическое оружие. Впоследствии СВОП изменил свое отношение к проблеме транзита: в его докладе «Трансевропейский коридор в XXI век» балтийский транзит рассматривался уже не как средство внешнеполитического давления, а как сфера неотъемлемых экономических интересов самой России.

Другой пример менее известен российскому читателю. Это эстонская неправительственная организация «Фонд развития внутренних водных путей Эстонии», действовавшая в начале 2000-х гг. Заслугой этой организации является создание условий для налаживания сообщения по рекам между российским Псковом и городом Тарту в Южной Эстонии. Благодаря эффективной лоббистской деятельности этой организации было получено разрешение на строительство пунктов пропуска судов в местечках Старожинец

и Прага соответственно. Эта же организация способствовала привлечению средств из структурных фондов Европейского союза для строительства этих пунктов пропуска и налаживания другой необходимой инфраструктуры.

В настоящее время все готово для того, чтобы из Пскова в Тарту пошли теплоходы. Однако создание регулярного пассажирского сообщения между Псковом и Тарту остается экономически невыгодным, да и объем грузов, проходящих через таможи Старожица и Праги, не оправдывает вложенных в сооружение пропускных пунктов средств. Таким образом, децентрализация не всегда является фактором повышения эффективности международных экономических проектов, однако данный пример подтверждает значимость этого явления.

Наконец, стандартизация, которая в 1970-х гг. рассматривалась в качестве лишь частного аспекта взаимозависимости, в настоящее время приобретает роль одной из важнейших черт глобализации. Приведение национальных стандартов (причем не только в областях, непосредственно связанных с международными экономическими отношениями) в соответствие неким международным нормам является требованием не только сторонников глобализации мировой экономики, но и значительной части так называемых антиглобалистов.

Разумеется, попытки стандартизации как можно большего числа сфер деятельности человека не могли не создать огромного количества курьезных ситуаций. Пальму первенства здесь, несомненно, держит Европейский союз. Например, некоторые из так называемых еврокептиков утверждают, что Европейской комиссией уже разработаны стандарты, регулирующие кривизну бананов (якобы в Европейском союзе к продаже разрешены лишь незначительно закругленные бананы) и симметричность новогодних елок (елки, ветви которых не расположены симметрично относительно ствола, якобы не могут продаваться в Евросоюзе), однако на деле таких норм не существует.

Вместе с тем некоторые стандарты Евросоюза создают значительные проблемы для стран, вступающих в это интеграционное объединение. Так, в 1995 г., когда к нему присоединилась Швеция, шведским дипломатам пришлось приложить немалые усилия для того, чтобы производство квашеной салаки — экзотического кушанья, любимого многими шведами, — не было бы запрещено. В 2004 г., когда в Евросоюз вступили Эстония и Латвия, первой пришлось побороться за право промышленного производства варенья из огурцов и ревеня (по стандартам Евросоюза, варенье можно производить только из фруктов и ягод, но не из овощей, а потому

огурец эстонцам срочно пришлось объявить фруктом),⁵⁸ а второй — за любимые многими жителями бывшего СССР шпроты в масле.

Если часть евроскептиков выступает за отмену некоторых лишних, по их мнению, стандартов, а также за пересмотр подходов к политике стандартизации, чтобы курьезные стандарты не могли появляться впредь, то часть антиглобалистов, напротив, выступает за введение ряда международных стандартов. Призыв к стандартизации объемов гуманитарной помощи, которую развитые страны оказывают развивающимся государствам (так называемый налог Тобина) уже получил поддержку на самом высоком уровне, в частности за это высказался президент Франции Жак Ширак.

Попытка ввести общемировые стандарты в области прав человека и прав меньшинств привели к появлению в практике международных отношений концепции гуманитарной интервенции. До сих пор действующая в отношении России американская поправка Джексона–Веника, ограничивающая возможности российско-американской торговли, является попыткой введения единых стандартов в сфере демократии. Что же касается антиглобалистов, то они наиболее часто выступают с требованиями стандартизации в экологической сфере и в сфере трудового законодательства.

При этом левые антиглобалисты утверждают, что отсутствие подобных стандартов позволяет развитым государствам «эксплуатировать» население и природу развивающихся стран, а правые — что это создает ситуацию, когда развивающиеся страны получают незаконные конкурентные преимущества по сравнению с развитыми государствами и таким образом ущемляет экономические интересы последних. Остается неясным, каким именно образом отсутствие международных стандартов становится угрозой для современной системы международных отношений, однако в том, что такие стандарты необходимы, убеждены как левые, так и правые, как сторонники глобализации, так и антиглобалисты.

Пожалуй, против стандартизации международных экономических отношений последовательно выступают лишь анархисты, составляющие незначительную, но заметную группу в рядах антиглобалистов,⁵⁹ а также реалисты, отрицающие существование гло-

⁵⁸ Более подробно см.: Ланко Д. А. Сахар и огурцы: девять месяцев Эстонии в Евросоюзе // Дело. 2005. 14 февраля.

⁵⁹ Рауш П. А. Альтернативная антиутопия. Место анархии в движениях протеста и сопротивления, направленных на преобразование существующего общества. Стенограмма заседания неправительственной организации «Мегарегион: сетевая конфедерация». 2005. 30 марта. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://megaregion.narod.ru/stenogr_13.htm (6.12.2005).

бализации как значимого феномена современных международных отношений.⁶⁰ Последние продолжают играть значительную роль в процессе принятия внешнеполитических решений в ряде государств, однако их роль в дискуссии об актуальных проблемах современных международных экономических отношений постоянно снижается, в частности в Евросоюзе она практически незаметна.

Напротив, в Европейском союзе стремление к стандартизации является важнейшим аспектом политики. Сферы, в которых стандартизация проходит достаточно легко, становятся важными аспектами политики интеграционного объединения. Балтийский транзит является и здесь важным примером. Например, в сфере автомобильных транзитных перевозок в Евросоюзе действуют общие стандарты, соответственно ресурсы Евросоюза активно используются в развитии автомобильной инфраструктуры стран Балтии. Любой, кто посетил, например, Эстонию в последние несколько лет, мог обратить внимание на рекламные щиты, установленные вдоль автомобильных трасс, сообщающие, что реконструкция данной дороги осуществлялась с привлечением средств ЕС.

В сферах же, плохо поддающихся стандартизации, общая политика Евросоюза буксует. Например, в отличие от автомобильных дорог стран Балтии, активно реконструируемых на средства Евросоюза, развитие железнодорожной инфраструктуры в последние пять лет проходило исключительно на средства самих операторов железных дорог. Причина проста — в странах Балтии, Польше и Финляндии, как и в России, еще с XIX в. строили железные дороги с большей шириной колеи, чем в Западной Европе. И введение здесь общих стандартов потребовало бы демонтажа всех железных дорог этих стран, что невозможно осуществить.

Помимо разной ширины колеи в этих странах (что способствует развитию транзитных перевозок российского сырья по железным дорогам, но затрудняет создание общеевропейской политики в сфере развития железнодорожного транспорта) существуют и другие препятствия для стандартизации. В частности, председатель правления «Латвийских железных дорог» Андрис Зоргевицс называет среди них «различные подходы к организации безопасности и работы железных дорог».⁶¹ Неудивительно, что на 2005–2009 гг. «Эстон-

⁶⁰ В работе Генри Киссинджера «Дипломатия» (*Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: Ладомир, 1997) на всех ее более чем 800 страницах, в том числе посвященных международным отношениям в сравнительно недавний период, слово «глобализация» не употребляется вообще.

⁶¹ *Тужиков М.* Новые возможности финансирования железных дорог // Балтийский курс. 2005. № 33 (лето). С. 14.

скими железными дорогами» запланировано инвестирование более полумиллиарда крон в развитие железных дорог и инфраструктуры из собственных средств. Из государственных же фондов и фондов Евросоюза привлечение средств на эти цели не планируется.

Вместе с тем большая часть российского транзита, в первую очередь через территорию Эстонии, с которой Россия вообще не связана трубопроводом, но также и через территорию Латвии и Литвы, проходит по железным дорогам. Причем эта сфера не является объектом политики Евросоюза по приведению норм в соответствие с европейскими стандартами.

Причина здесь не в том, что российский транзит «привязывает страны Балтии к российской сфере влияния», как полагают некоторые политики и наблюдатели, придерживающиеся реалистической парадигмы как в России, так и в самих странах Балтии. Основная причина — затруднения, с которыми политика модернизации столкнулась здесь при попытке внедрить общие стандарты. Кроме того, развивая транзит российских товаров, в первую очередь сырья, в Европу, страны Балтии не сумели наладить обратный транзит — европейских товаров в Россию. В результате железнодорожные вагоны, везущие российское сырье в порты стран Балтии, зачастую возвращаются назад пустыми. Впрочем, отдельные попытки в этом отношении предпринимались, в частности в Эстонии с подобным проектом выступала бывший министр иностранных дел Кристина Оюланд.

Односторонний характер балтийского транзита является не только проблемой взаимоотношений стран Балтии и России. С аналогичными проблемами столкнулась, например, китайская государственная делегация, посетившая Латвию в 2005 г. с целью изучения возможностей портов стран Балтии для транзита китайских товаров в Европу. Китай, для которого Евросоюз является значимым торговым партнером, в страны Балтии привлекает то же, что и российских операторов транзитных грузов, — относительная дешевизна балтийской инфраструктуры при высоком качестве обслуживания. Однако в способности портов стран Балтии привлечь европейские грузы, отправляющиеся в Китай, китайские специалисты сомневаются.

Таким образом, значимость транзитной сферы не только для экономики стран Балтии, но и для доходов бюджетов этих государств постоянно падала начиная с середины 1990-х гг., а потому и модернизация этой сферы услуг, да еще и в условиях, когда Европейский союз не уделял ей достаточного внимания, проходила

медленнее. Гораздо более показательным является процесс модернизации сферы общественных услуг в странах Балтии.

Интернет и мобильная связь

Следует отметить, что под общественными услугами здесь понимается не только комплекс услуг, реализуемый государственными предприятиями и агентствами, например почтовыми службами. Это также совокупность мер по экономическому и финансовому регулированию, включая регулирование рынка труда, социальной политики, а также осуществление политики в сфере здравоохранения и образования. Не будет преувеличением сказать, что в 1990-х гг. модернизация этой сферы в странах Балтии шла по линии либерализации. Именно такого развития события требовал переход от плановой экономики к рыночной. И поскольку в странах Балтии либерализация сектора общественных услуг проводилась быстрее, чем, например, в России, то и признание этих государств странами с рыночной экономикой со стороны Европейского союза последовало раньше, чем аналогичное признание в отношении России.

Вместе с тем модернизация сферы общественных услуг не означает исключительно ее либерализацию. Обосновать этот вывод позволяет сравнительный анализ трансформации данной сферы в странах Балтии и в России за последние пять лет. В Эстонии либерализация сферы общественных услуг закончилась еще в 1998 г., после чего доля расходов государства (на поддержку этой сферы) в ВВП страны неуклонно росла. Латвия и Литва начали догонять Эстонию по этому показателю к 2002 г., однако этими странами был взят более интенсивный темп развития общественной сферы. Если прирост государственных расходов в этой области у Эстонии начиная с 2002 г. остается на уровне 6% в год, т. е. ненамного опережает рост ВВП, то в Латвии и в Литве в 2003 г. были зарегистрированы рекордные показатели прироста — 14 и 10% соответственно.⁶²

При этом модернизация общественной сферы в странах Балтии продолжалась, и в 2004 г. уровень ее развития был признан соответствующим критериям, необходимым для принятия данных стран в Евро-союз. Что же касается России, то здесь снижение расходов государства в общественной сфере продолжалось как в 1990-е г., что было обусловлено экономической нестабильностью, так и после начала роста ВВП в 1999 г. В результате Россия стала едва ли не более либеральной страной, чем традиционно считающиеся либеральными страны Балтии.

---

⁶² World Development Indicators Database.

В самом деле, если рост государственных расходов в общественной сфере в странах Балтии продолжится, а для этого есть все необходимые условия, то вскоре доля общественной сферы в ВВП страны составит порядка 20%. Это в полтора раза меньше, чем в Швеции, но соответствует аналогичному показателю для Германии в период правления социал-демократов во главе с Герхардом Шредером. В России при сохранении существующей тенденции доля общественной сферы в официальном ВВП может достигнуть 15%, что меньше, чем в Польше. Здесь надо также принять во внимание, что доля общественной сферы высчитывается от официального ВВП, при этом значение теневой экономики в России остается более высоким, чем в странах Балтии.

Таким образом, хотя либерализация общественной сферы в настоящее время происходит именно в России, а не в странах Балтии, модернизация этой сферы более эффективно осуществляется в последних.

Наконец, важным аспектом модернизации сферы услуг в странах Балтии является формирование в них информационной экономики. В отличие от общественной сферы, которую странам Балтии пришлось полностью перестраивать по европейским образцам после отказа от советских подходов к ее формированию, формировать сферы экономики, связанные с информационными технологиями, здесь начали практически одновременно с европейскими лидерами в этой области — странами Северной Европы и Германией. Причем если символом «информационного общества» северных стран какое-то время оставался сотовый телефон, то для стран Балтии приоритетом стало развитие технологий на базе Интернета.

Эстония первой из стран Балтии достигла значимого рубежа в 10% населения, являющегося пользователями Интернета, одновременно с Германией в 1998 г. Однако в дальнейшем этот показатель здесь рос медленнее, чем в Германии, а также более скачкообразно.

Следует отметить, что в Эстонии потенциал для роста числа пользователей Интернета представляется даже более значительным, чем в Северных странах. Дело в том, что в Северной Европе распространение сотовой связи значительно опередило распространение использования Интернета. Так, в Швеции и Дании — лидерах в обеих областях — сотовые телефоны оказались на руках у более 10% населения в 1994 г., в то время как 10% населения стали пользователями Интернета лишь в 1997 г.

В Эстонии соответствующий рубеж был преодолен практически одновременно — в 1997 и 1998 гг. соответственно. Именно поэтому информатизация сфер, значимых в повседневной жизни

людей, проходила здесь разными путями. В северных странах многие из этих услуг оказались «завязаны» на сотовую связь: с помощью сотового телефона здесь можно оплатить коммунальные услуги, осуществить простейшие банковские операции, купить билет в общественный транспорт. В Эстонии же эти операции производятся через Интернет — осуществление подобных услуг операторами сотовой связи ограничено.

Несомненно, в конце 1990-х гг. те же операции в странах Северной Европы стали доступны и при посредстве Интернета, однако возможность приобретения тех же услуг через сотовый телефон существенно ограничила (и будет ограничивать в будущем) рост числа пользователей Всемирной сети. Таким образом, в северных странах в отличие от стран Балтии предприниматели, работающие в сфере предоставления услуг в Интернете, вынуждены опираться в своих маркетинговых стратегиях на новые услуги, стараясь не дублировать услуги, предоставляемые посредством сотовой связи. Представляется, что эту проблему можно рассматривать в качестве одного из факторов, естественным образом ограничивающих развитие сектора услуг в Интернете в Северной Европе.

Литва преодолела указанный рубеж в 10% к 2000 г. Наконец, Латвия на протяжении всех 1990-х гг. оставалась в группе «отстающих»: рубеж в 10% здесь был преодолен лишь в 2002 г. Однако вслед за этим Латвия совершила значительный скачок и в настоящее время в этой стране свыше 40% населения пользуются Интернетом, что превышает аналогичный литовский показатель. Представляется, что Латвия, в советские годы занимавшая первое место среди стран Балтии по уровню экономического развития и значительно уступавшая Эстонии в течение первых пятнадцати лет после восстановления независимости, продолжит развитие по эстонскому пути, а во многих областях, не исключая развитие информационных технологий, сможет бросить ей вызов.

Успехи информационной экономики не только в странах Балтии, но и на севере Европы в целом позволяют не только наиболее оптимистично настроенным бизнесменам, но и представителям органов государственной власти⁶³ говорить о Балтийском регионе как о наиболее конкурентоспособном в современном мире. Об этом, в частности, говорилось на 4-м заседании Балтийского форума разви-

---

⁶³ Представление о Балтийском регионе как наиболее конкурентоспособном регионе мира является одним из оснований внешней политики Швеции, которая единственная из всех стран региона имеет в составе своего Министерства иностранных дел специальный департамент, занимающийся проблемами сотрудничества в Балтийском регионе.

тия, проходившем в Стокгольме в октябре 2005 г.⁶⁴ Так, на заседаниях форума прозвучало мнение, что в перспективе экономика Балтийского региона может составить конкуренцию наиболее быстро растущей экономике современного мира — китайской. Для подобных заявлений можно выделить как минимум два обоснования.

Во-первых, представляется, что китайская и балтийская экономики изначально будут действовать в разных конкурентных нишах: для первой основным фактором развития было и остается промышленное производство, вторая собирается и далее развивать сектора экономики, связанные с информационной сферой. Для Китая, где развитию информационных секторов экономики препятствует по политическим мотивам само государство, выдержать конкуренцию здесь с Балтийским регионом представляется невозможным.

Во-вторых, период экстенсивного роста китайской экономики подходит к концу, в краткосрочной перспективе он может смениться устойчивым развитием с приростом ВВП на уровне нескольких процентов в год. В этих условиях перед Балтийским регионом открываются значительные конкурентные преимущества.

Но разумеется, подобные прогнозы для экономики Балтийского региона могут стать реальностью лишь в условиях, когда Россия будет принимать самое непосредственное участие в развитии региональной экономики. Ведь в отличие от стран Северной Европы и Балтии, где прирост ВВП в последние годы наблюдался на уровне не выше 5%, экономика России в настоящее время переживает период экстенсивного роста. При проведении Россией эффективной экономической политики этот период будет достаточно длинным, подобно нынешнему периоду роста китайской экономики, который продолжался свыше двадцати лет и лишь сейчас подходит к концу. Понимание значимости России для реализации такого сценария развития региональной экономики заставило премьер-министра Швеции Й. Перссона выступить в ходе заседания Балтийского форума развития с предложением объявить 2006 г. «годом России».

Вместе с тем эти оптимистичные сценарии могут и не реализоваться даже при условии, что период экстенсивного роста российской экономики будет достаточно продолжительным. Дело в том, что информационная экономика имеет собственные пределы роста.

Во-первых, это политические пределы: информационная экономика активно развивается в условиях консервативной экономической политики государства, что Уилл Хаттон доказывает на при-

---

⁶⁴ Материалы форума см.: Baltic Development Forum // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bdforum.org/sideindhold.asp?sideid=681> (01.11.2005).

мере современных США.⁶⁵ В то же время северные страны, а вслед за ними и страны Балтии, развивают общественную сферу своей экономики в соответствии не с консервативной, а с либеральной моделью.

Во-вторых, это фактор Европейского союза: информационная экономика стран Северной Европы и Балтии эффективно развивается в условиях защиты от конкуренции привилегиями, которые предоставляют европейским производителям нормы Евросоюза. Если же предприниматели из стран Балтии, работающие в информационной сфере, попытаются выйти за пределы ЕС, скажем, на российские рынки, то здесь их будут ожидать гораздо более жесткие конкурентные условия.

Оба эти аспекта имеют одинаковое значение как для экономики стран Балтии, так и для их северо- и западноевропейских партнеров по Европейскому союзу. И на данный момент не существует готовых рецептов решения этих проблем, которыми политики и предприниматели из стран Балтии могли бы воспользоваться в ходе модернизации своей экономики. Эти рецепты «новым» и «старым» странам — членам Евросоюза придется изобретать сообща, причем не исключено, что именно странам Балтии удастся найти их.

Таким образом, анализ модернизации экономик стран Балтии позволяет подтвердить вывод предыдущей главы о результатах модернизации в политической сфере. Страны Балтии позаимствовали у своих западноевропейских партнеров практически все, чем те могли с ними поделиться. Таким образом, наступил естественный предел политике модернизации в странах Балтии, и в дальнейшем им придется все больше полагаться на собственный опыт, а иногда даже делиться им со своими некогда более развитыми партнерами.

3.4. Штрихи к политическим портретам

Альгирдас Бразаускас

Есть лидеры популярные, а есть харизматические. Популярность приходит и уходит, а харизма остается. Карьера Альгирдаса Бразаускаса — наглядное тому подтверждение. В 1988 г. тогда еще секретарь ЦК Компартии Литвы по промышленности Альгирдас Бразаускас участвовал в митингах, организованных «Саюдисом», поднимался на одну трибуну с его лидером Витаутасом Ландсбер-

---

⁶⁵ Хаттон У. Мир, в котором мы живем. М.: Ладомир, 2004. С. 5.

гисом. В 1990 г. «Саюдис» получил абсолютное большинство голосов на выборах в литовский Верховный совет, а Ландсбергис был избран его председателем. Однако в 1992 г. председателем парламента уже независимой Литвы был избран Бразаускас, и это не стало пиком его карьеры, а Ландсбергис сегодня занимает почетное место депутата Европейского парламента.

В 1991–1992 гг., оставаясь лидером бывшей литовской Компартии, переименованной в Литовскую демократическую партию труда, Бразаускас стал заместителем премьер-министра в правительстве Казимиры Прунсене. Сегодня Прунсене занимает скромную должность министра сельского хозяйства в правительстве Бразаускаса, и ее имя попадает на страницы прессы за пределами Литвы, только когда Бразаускас объявляет ей выговор за участие в праздновании 750-летия Калининграда. В 1993 г. Бразаускас был избран президентом Литвы, но в 1998 г. не стал вновь выдвигать свою кандидатуру, стремясь «дать дорогу молодым» — в данном случае Артурасу Паулаускасу.

Выборы Паулаускас проиграл, а на парламентских выборах 2000 г. выступил уже противником Баразаускаса, хотя его с Роландасом Паксасом правительство и оказалось недолговечным — уже через полгода непрерывного политического кризиса даже противник Бразаускаса президент Литвы Валдас Адамкус понял, что остановить кризис можно, только доверив сформировать правительство Бразаускасу. Так Бразаускас, который после поражения Паулаускаса на президентских выборах 1998 г. ушел из большой политики, возглавил фонд своего имени и даже написал мемуары, вновь вернулся во власть.

В 2003 г. Роландас Паксас обошел Валдаса Адамкуса на президентских выборах, однако через год в результате коррупционного скандала был отправлен в отставку, и исполняющий обязанности президента Паулаускас, несмотря на разногласия, вновь был вынужден подтвердить полномочия Бразаускаса как главы правительства. Наконец, в 2005 г. Партия труда Виктора Успаских набрала большинство голосов на парламентских выборах, однако Бразаускас сохранил пост премьер-министра. Виктор Успаских был назначен министром хозяйства и едва ли на парламентских выборах 2009 г. Партия труда сможет повторить свой успех.

В 2009 г. Бразаускасу исполнится 77 лет, поэтому едва ли он захочет принять участие в президентских выборах. Однако несомненно, что его имя навсегда останется не только в истории Литвы, но и в истории всей Европы нашего времени.

Витаутас Ландсбергис

Одним из извечных конфликтов, в которые вступают люди, причем не только на постсоветском пространстве, является конфликт «физиков» и «лириков». Пожалуй, именно этим объясняется конфликт между Витаутасом Ландсбергисом и Альгирдасом Бразаускасом, который эти два литовских политика пронесли через свою жизнь, несмотря на изменения, через которые прошла их Родина. Оба родились в один год — 1932. Однако дальше их пути разошлись. Ландсбергис начал заниматься музыкой, а Бразаускас — экономикой. Бразаускас делал карьеру в Компартии, а Ландсбергис — впоследствии один из основателей «Саюдиса» — всегда оставался диссидентом. После восстановления независимости Литвы Ландсбергис стал консерватором, а Бразаускас — социал-демократом.

При этом их часто путают друг с другом. Когда в конце 1990-х гг. Ландсбергис посетил Санкт-Петербургский государственный университет, один из участников встречи по ошибке назвал его «господином Бразаускасом». А в декабре 2005 г., когда эстонская газета «Постимеэс» опубликовала статью Ландсбергиса, в которой российско-германские планы строительства Североевропейского газопровода были названы «проявлением имперских амбиций» России, под фамилией Ландсбергиса эстонские журналисты написали, что он «бывший президент Литвы». Разумеется, в 1990–1992 гг. он действительно исполнял обязанности главы государства по решению Верховного совета Литовской ССР, однако думается, что эстонские журналисты имели в виду совсем не это.

Скорее всего, они просто перепутали. Ведь и в 1990 г., когда «Саюдис» завоевал большинство на выборах в Верховный совет Литвы и Ландсбергис стал его председателем, получив контроль и над партийными органами республики, и над правительством, многие простые литовцы, по воспоминаниям социологов того времени, удивлялись, нет ли здесь ошибки. По их мнению, страной должен был руководить не Ландсбергис, а обладавший гораздо более сильной харизмой Бразаускас. И уже через два года Бразаускас оправдал надежды общественного мнения, с огромным перевесом выиграв президентские выборы в независимой Литве.

Представляется, что стать харизматическим лидером Ландсбергису помешало слишком критичное отношение к политическим оппонентам. Российским читателям несомненно известны требования Ландсбергиса передать Калининградскую область Литве и выплатить ей компенсацию за годы оккупации в размере \$300 млрд, а также запретить в Евросоюзе ношение коммунистической сим-

волики наряду с фашистской. И если бы критика Ландсбергиса касалась только России, литовский народ смог бы его полюбить. Однако теми же словами Ландсбергис ругает и своих политических оппонентов в самой Литве, в первую очередь того же Бразаускаса. После его выступлений складывается впечатление, что все вокруг плохо. А пессимистов никто не любит.

Вайра Вике-Фрайберга

В разное время модными считаются разные специальности. В Канаде, например, где президент Латвии Вайра Вике-Фрейберга прожила большую часть жизни, после окончания Второй мировой войны самыми популярными считались точные науки. Ведь именно с их помощью было создано новейшее оружие, которое помогло Западу выиграть войну с незначительными людскими потерями. Позднее пришла мода на социальные науки и медицину: общество перестало видеть своей главной целью победу в «холодной войне» и обратило внимание на внутренние проблемы. Кстати, в отличие от Америки и Канады, где в 1990-е гг. пришла мода на экономистов, в Западной Европе самой популярной до сих пор остается профессия врача.

Вайра Вике-Фрейберга была психологом, с 1965 по 1998 г. она работала профессором психологии в Университете Монреаля. В 1998 г. переехала в Латвию, где возглавила Институт Латвии — организацию, занимающуюся пропагандой этой страны за рубежом. В 1999 г. парламентские фракции в латвийском сейме, на который возложена обязанность по избранию президента страны, не смогли договориться о кандидатуре нового президента, и Вайра Вике-Фрейберга была избрана в качестве компромиссного кандидата, поскольку не была связана ни с одной политической партией. Однако за первый президентский срок она сумела завоевать любовь латвийского народа и в 2003 г. была переизбрана на второй срок.

Представляется, что в основе ее популярности лежит именно психология. Стране, которая готовится к войне, нужен президент-физик или военный. Стране, где главной проблемой является преступность, нужен президент-юрист или милиционер. Стране, переживающей бурный экономический подъем, нужен президент-экономист. В конце 1990-х гг. Латвия не готовилась к войне, не боролась с преступностью (хотя коррупция там до сих пор остается одной из важнейших проблем) и не расцветала экономически. Напротив, российский финансовый кризис 1998 г. больно ударил по экономике Латвии, и стране понадобился президент-психолог, который

не вывел бы ее из кризиса и не свалил бы всю ответственность на агрессивно настроенных соседей, а просто выслушал бы.

Именно таким президентом стала для Латвии Вайра Вике-Фрейберга. Она активно выступала за вступление Латвии в Европейский союз, но она же всегда говорила, что народ Латвии и сам способен прийти к экономическому процветанию. Она активно требовала от России извинений за годы советской оккупации, однако она же предприняла значительные усилия для сокращения экономического неравенства между представителями латышского и русскоязычного населения в Латвии. Она поддержала войну в Ираке, но она же стала одним из наиболее активных адвокатов миротворческих усилий Европы во всем мире, за что ее имя включили в список кандидатов на пост Генерального секретаря ООН. И если в 2007 г., когда кончится ее второй президентский срок, Вайра Вике-Фрейберга не захочет писать мемуары, то у нее будет широкий выбор деятельности для дальнейшей карьеры.

Леннарт Мери

Любопытно, как по-разному называют граждане своих политиков в неформальной обстановке. Например, президента России Путина называют «ВВП». Президента Эстонии Леннарта Мери называют просто «Леннарт». Ведь несмотря на консервативный стиль в одежде, которого Леннарт старался придерживаться всю свою жизнь, включая четыре года сибирской ссылки, для простых эстонцев он такой же человек, как и они, только умнее. А причиной всему — внимание к деталям и феноменальная память. В Таллинском аэропорту Леннарт тащил журналистов в туалет, чтобы наглядно продемонстрировать им, чем Эстония встречает зарубежных гостей. А в президентском дворце Кадриорг он помнил даже имя плотника, приглашенного починить дверь.

Любовь к деталям заставила Леннарта перепробовать за свою жизнь множество профессий. Он был лесорубом, чистил картошку в столовой и сплавливал плоты по рекам. Учился в университете на историка, затем был режиссером в театре и продюсером на телевидении. Писал научные труды по антропологии и исторические романы. В 1990 г. стал министром иностранных дел в совете министров Эстонской ССР и добился того, что в 1991 г. сначала Исландия, а за ней и другие страны мира признали независимую Эстонскую Республику. В 1992 г. был избран президентом Эстонии на прямых выборах, а в 1996 г. был переизбран на этот пост уже парламентом страны.

После ухода в 2000 г. с поста президента называет свою профессию скромно, но с достоинством: «Писатель».

Леннарт отличается потрясающей работоспособностью. Иногда он требовал от подчиненных, чтобы они оставались на рабочем месте до трех часов ночи, а в девять утра уже снова были на работе. Сам Леннарт продолжал работать и после трех, а в девять утра поднимал настроение невыспавшимся подчиненным рассказами о новых планах, которые у него возникли в часы рассвета. А поскольку эстонская конституция позволяет президенту контролировать действия правительства во многих областях, планы эти касались практически всех сфер жизни эстонского общества.

Однако чаще всего инициативы президента вторгались в сферу деятельности министерства иностранных дел. Сын эстонского дипломата, он учился в школе в Париже и Берлине, с детства владеет немецким и французским языками, а за годы своей яркой биографии изучил также русский, английский, финский и испанский языки. За два президентских срока Леннарт побывал почти во всех странах мира, а когда возвращался на родину — его приветствовали толпы эстонской молодежи. Впрочем, чаще всего оказывалось, что они просто встречают самолет, например, Майкла Джексона.

Новым президентом Эстонии в 2001 г. стал Арнольд Рюйтель — бывший председатель Верховного совета Эстонской ССР, а затем лидер Аграрной партии. Он не говорит ни на одном иностранном языке, кроме русского, да и это умение он тщательно скрывает. А жаль. Эстония нуждается в человеке, который день за днем формировал бы положительный образ страны не только на Западе, но и в России. В таком, как Леннарт.

Эдгар Сависаар

В конце 1990-х гг. эстонский политолог Эвальд Миккель написал о своей стране как о «птице с одним крылом». Имелось в виду, что в Эстонии практически не было левых партий. Конечно, под левыми лозунгами выступали русские партии, но для них национальный вопрос всегда был важнее экономического. В 1995 г. в рийгикогу — эстонский парламент — прошел Союз пенсионеров и семей, однако сегодня о нем вспоминают только историки. Была левая партия и у эстонских аграриев, и даже Рабочая партия, но все это были партии незначительные. Вплоть до создания уже в новом веке Социал-демократической партии в Эстонии действовала советская «прививка» против левых движений.

Поэтому получилось так, что самым левым эстонским политиком стал Эдгар Сависаар — лидер Центристской партии, созданной им на базе Народного фронта. На левом фланге эстонской политики стоял он, на правом — все остальные. И всю эстонскую политику 1990-х гг. можно описать как попытку правых не пустить Сависаара к власти. С 1990 по 1992 г. он возглавлял совет министров сначала Эстонской ССР, а затем независимой Эстонской Республики. Затем его вынудили уйти под предлогом продолжавшихся трудностей в экономике, хотя все понимали, что при переходе от плановой экономики к рыночной трудности неизбежны. В те времена даже ходила шутка, что Учредительное собрание специально вписало в конституцию пункт об избрании президента парламентом, поскольку на прямых выборах победил бы Сависаар.

До 1995 г. Сависаар занимал скромный пост заместителя председателя парламента. На парламентских выборах 1995 г. Центристская партия одержала впечатляющую победу, и правым пришлось пригласить Сависаара в правительство — он стал министром внутренних дел. Однако почти сразу же разразился скандал: пошли слухи, что министерство внутренних дел прослушивает разговоры важных чиновников, и, хотя не было никаких доказательств, все правительство ушло в отставку. Сависаар попытал счастья уже на местных выборах и в 1996 г. был избран в городской совет Таллина, а в 2001 г. стал мэром эстонской столицы.

На парламентских выборах 2003 г. Центристская партия получила почти треть голосов, как и партия «Республика» Юхана Партса, однако консерваторы вновь смогли сформировать правительство без участия Сависаара. И лишь после правительственного кризиса 2005 г., прошедшего на фоне поражения «Республики» на выборах в Европарламент, Сависаара пригласили в правительство — он стал министром экономики и коммуникаций. Секрет побед Сависаара на парламентских выборах прост: пока русскоязычные политики в Эстонии дрались между собой за право быть «самым русским», Сависаар отобрал у них голоса русскоязычных избирателей, пообещав сделать русский язык официальным в некоторых местных самоуправлениях, как только он станет премьер-министром. Однако шансов стать премьер-министром у Сависаара не так уж и много.